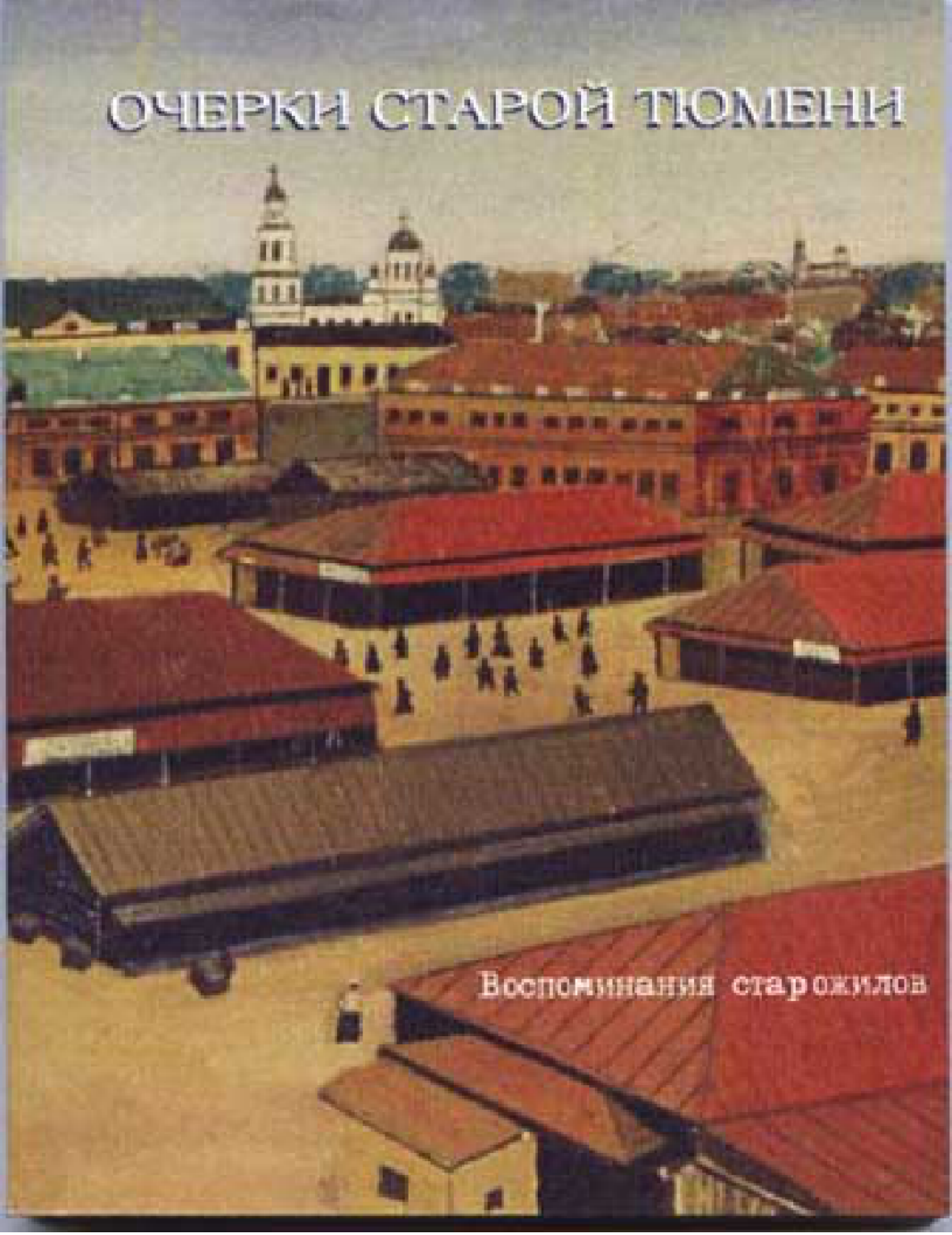
ОЧЕРКИ СТАРОЙ ТЮМЕНИ



Воспоминания старожилов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Тюмень: П.П.Ш, 2011

На основе музейных и архивных материалов Л. Боярский и др. подготовили к печати сборник «Очерки старой Тюмени», в который включены воспоминания «наивных историографов» — Николая Захваткина, Аркадия Иванова, Николая Калугина, Станислава Карнацевича и Алексея Улыбина.

Очерки опубликованы в 2011 году в тюменском издательстве «П.П.Ш.» на средства подписчиков.

- Очерки старой Тюмени
  - Предисловие
    - Определение жанра
    - Автобиографический акт
    - Общее в воспоминаниях старожилов
  - Николай Захваткин
  - Аркадий Иванов
  - Хиромантия
  - Уважаемая Нина Абрамян
  - Неугомонный
  - Ещё о проститутках
  - Ледяной дом. Разсказ
  - Без борьбы нет жизни
  - Легковой извозчик [или] Лошадиное такси
  - В редакцию газеты «Тюменская правда»
  - Ограбление продавца Ренского погреба братьев Поклевских Козелл
  - Законодатели мод
  - В редакцию газеты «Тюменская правда»
  - О людях свободных профессий
  - Уважаемый заведывающий отделом писем редакции газеты «Советская культура»
  - С прошедшим днем праздника Рождества Христова
  - Станислав Карнацевич
    -
  - Алексей Улыбин
    -
    - 1. Базарная площадь
    - 2. Ярмарка
    - 3. На пристани
    - 4. Стройки
    - 5. Снабжение водой города

- 6. Транспорт
- 7. Союз охоты
- 8. Кулачные бои в Тюмени
- 9. Добровольное пожарное общество
- 10. Маслянка
- 11. Гости
- 12. Охрана города
- 13. Улицы уходят в реку
- 14. Где какие были строения

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Очерки старой Тюмени
Воспоминания старожилов

Предисловие

Определение жанра

Опубликованные в этой книге тексты относятся к тихой, таинственной области биографического жанра. С точки зрения отечественной ученой традиции, внимательной к формальной стороне старинных повествований, их следует включать в число *источников личного происхождения*, и именовать *мемуарами*. Мемуарами называют «*повествования о прошлом, которые основаны на личном опыте и собственной памяти повествователя*» (А. Г. Тартаковский)[1]. По мысли того же автора, мемуары в их подлинном смысле появляются тогда, когда возникает *историческое самосознание личности*, т. е. когда человек, записывающий свои воспоминания, начинает осознавать их историческую ценность для современников и последующих поколений. Мемуары, таким образом, предполагают читателя, адресата: иногда он хорошо известен автору, иногда неясен.

Это безусловно верно в отношении большинства тюменских воспоминаний, опубликованных ниже. Хранителями областного краеведческого музея, прежде всего Алексеем Ивановичем Харитоновым, начиная с 1950-х годов, проводилась работа по сбору воспоминаний жителей Тюмени, участников гражданской войны и установления Советской власти[2]. Однако, помимо санкционированных начальством воспоминаний о борьбе с контрреволюцией, на встречах ветеранов старики «травили байки» про повседневную жизнь в старой Тюмени, рассказывали о своем детстве и юности. Вероятно, при соответствующем оснащении мы бы имели сейчас замечательный фонд «*устной истории*», но диктофонов не было и записей на магнитофонную ленту практически не делалось. Единственным возможным вариантом были письменные воспоминания. Кто-то посоветовал старикам перенести свои рассказы на бумагу. Так в конце 1950-х — начале 1960-х гг. появилось несколько великолепных текстов, ярких образцов «народной истории». Среди них были и публикуемые в настоящем издании манускрипты, хранящиеся ныне в фондах Тюменского краеведческого музея.

Тюменские старожилы подчёркивали свою роль «*живого документа*» истории. Вот что, например, писал переплётчик А. А. Иванов: «*И хотелось бы помочь нашим читателям стать поближе к живым людям — документам прошлого. Не в обиду будь сказано тем историкам, которые пишут свои материалы на основании хранящихся в архивах документов и не верят в живого человека, для них бумажка это все: нет бумажки — нет человека. Я не против, чтобы историю писать по документам. Это очень важно.*

Но в документе всего не прочитаешь. Так как об этом расскажет живой человек».

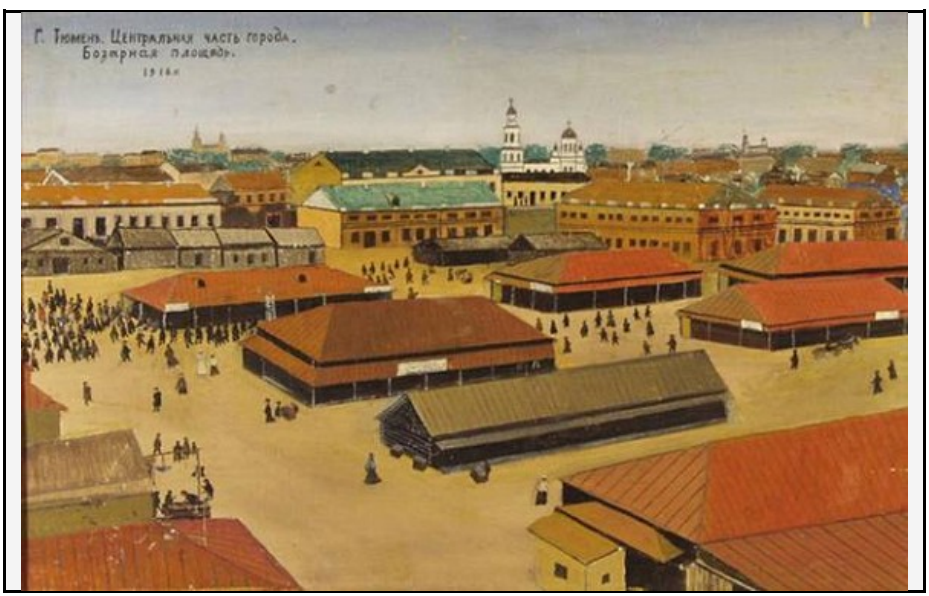
Автобиографический акт

Очевидно поэтому, что употребление термина «*мемуары*», вызывающего стойкие ассоциации с литературным жанром (воспоминания «участников исторических событий», писателей, военных, политиков), требует и еще одной оговорки: конечно же, напечатанные в этой книжке мемуарные тексты составлены авторами неискушенными. Трудовая биография многих из них была далека от высоких сфер и интеллектуальных занятий; лишь на склоне лет, на пенсионерском досуге, довелось им обратиться к перу. По аналогии с самодеятельными художниками, каждый из них может быть назван «*историком выходного дня*»; и, вероятно, каждый из них, сбиваясь на устную речь, тем не менее, следовал в своем творчестве, как некому смутному идеалу, определенным письменным образцам.

Можно убедиться, что рассказы тюменских старожилов не всегда соответствуют канону привычного, выстроенного по хронологии автобиографического повествования от первого лица: *автобиографией* в подлинном смысле можно назвать сочинение образованного С. И. Карнацевича, но, например, автобиография А. Г. Галкина, вероятнее всего, происходит из личного дела автора, беспорядочные записи А. А. Иванова о прошлом представляют собой копии отправленных писем в различные газеты и наброски к выступлениям перед школьниками, а текст А. С. Улыбина составлен как историческое сочинение о Тюмени начала XX в., своего рода «*наивная историография*». Для нас это жанровое разнообразие есть повод перейти от определения формального к определению социокультурному.

Действительно, общее, объединяющее эти воспоминания, лежит не в самих текстах, но как бы за ними. Американские исследовательницы С. Смит и Дж. Уотсон, издавшие пособие для чтения подобных народных мемуаров, предпочитают именовать их «*жизненными рассказами*» (life narratives)[3]. Главная отличительная черта «*жизненных рассказов*» — их самоописательный характер. Очевидно, что не все тексты, которые создаются людьми, желающими поведать другим о собственной жизни, являются автобиографиями в каноническом смысле, и наша книга тому подтверждение. Но, однако, все подобные тексты объединяет их социальная функция: все они представляют собой средство коммуникации между поколениями, материальное следствие того, что в указанной книжке называется *автобиографическим актом*.

При таком подходе к воспоминаниям отдаляются на задний план различия между между устной речью и записью, но зато проясняются отношения, связывающие мемуариста с обеими эпохами его жизни — прошлой, о которой он вспоминает, и нынешней, в которой и для которой он вспоминает. Становится очевидной политическая сущность памяти: рассказы стариков, конечно же, посвящены субъективной «правде», а не объективным «фактам». Такое воспоминание представляет собой автопортрет автора, соединяющий фотографическую точность с творческим воображением, картину, на которой прошлое изображается современными красками и в духе нового времени. Вспоминающий не пассивен: он активно реконструирует прошлое, используя мнемонические образцы и модели той эпохи, в которой теперь живет, редактирует собственный жизненный опыт, чтобы утвердиться в своей роли «*документа прошлого*», заявить о своем социальном статусе, оказать влияние на настоящее, которое так стремительно и невозвратно уносится из его стареющих рук.



Общее в воспоминаниях старожилов

Темы, сюжеты, особые краски воспоминаний зависят не только от личности рассказчика. Как явление социальное, «*автобиографический акт*» предполагает участие многих сторон: книжка Смит-Уотсон хороша тем, что предоставляет их читателю прямо списком. Следуя этому перечню, мы можем составить собственную программу исследования тюменских воспоминаний, исследования будущего — ведь по многим пунктам у нас сейчас недостаточно информации:

1) О *вдохновителях* проекта по сбору тюменских воспоминаний мы уже упоминали выше, здесь важна роль музейщиков и общая атмосфера 1950-х — ранних 1970-х, стимулировавших мнемоническую активность простого советского пенсионера; лучшим примером является А. А. Иванов, пробовавший себя в роли газетного корреспондента, ветерана, выступавшего перед пионерами и т. д.;

2) Для воспоминаний тюменских старожилов характерно сильнейшее ощущение *места*: все они патриоты города, затерянного на просторах западно-сибирской равнины, мемуары их представляют собой цельный корпус источников по истории повседневности. Более того, все наши авторы принадлежат к одному времени, первому десятилетию XX в., и даже отчасти происходят из одной социальной группы: многие из них были «газетными мальчиками», торговавшими печатными изданиями на Царской улице;

3) Личность каждого из *авторов* может быть представлена как ансамбль трёх «Я»: во-первых, это *рассказчик*, который не всегда совпадает с героем повествования, и может говорить об авторе воспоминаний в третьем лице (мы встречаемся с этим явлением в текстах А. А. Иванова и Н. С. Захваткина, возможно, оно отражает стремление рассказчика оставаться беспристрастным историком); это *протагонист*, непосредственный участник повествования, та версия собственного молодого «Я», которая наиболее устраивает пожилого воспоминателя, и замечательно его характеризует; наконец, это *цензор*, который подвергает воспоминание соответствующей духу времени идеологической обработке. Все наши тюменские мемуары полны риторических конструкций, без которых невозможно представить советский рассказ о тяжелом дореволюционном прошлом; тусклый и багровый, этот мрачный тацитовский колорит окрашивает даже самые светлые детские

воспоминания;

4) Когда мы обращаемся напрямую к каждому из этих текстов, важным оказывается вопрос о *модели самоописания*, или о конкретном литературном жанре, канону которого следует (или пытается следовать) повествователь. Для начала хорошо было бы составить себе представление о круге чтения наших «*наивных историографов*». В тюменском краеведческом музее хранятся многочисленные дневники их современника — В. В. Щастного (1894–1988), тюменского пенсионера, ветерана рабкоровского движения. Записки эти посвящены повседневному бытию сторожа-интеллигента, в них почти нет собственно «воспоминаний о старой Тюмени», и потому они не включены в это издание. Зато для наших целей интересен документ, способный дать некоторое первое представление о тех вещах, что определяли культурный досуг наших авторов.

Мои культрасходы в 1959 г.	
газета «Тюменская правда» – 60 р. газета «Красное Знамя» БССР – 15 р. Покупка отдельных номеров газеты – «Правда», «Известия», «Советская Россия» – не учитывались. Журнал Белорусь – 36 р. --- В защиту мира – 24 р. --- Наука и религия – 12 р. Покупались в Книготорге и Союзпечати Журнал «Новое время» №№ 1, 2, 3, 4, 5, 17, 28, 29, 30, 31, 34, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 51, 52 = 32 р. 50 к. Журнал «Огонек» № 1 и 41 – 6 р. --- «Дружба» № 1, 5, 6, 16, 19, 20, 22, 37, 40 – 9 р. --- «Здоровье» № 2 – 2 р. --- «Новая Корея» № 97, 101 – 2. --- «Техника молодежи» № 2 – 2 р. --- «Крокодил» № 18 – 1 р. 20 к. Роман-газета № 24/58 г., 15, 14, 17, - 1959 г. – 8 р. 80 к. Поль Робсон «На том я стою» - 2.10 Моралевич «Покорители пространств» 11.00 Л. Мартынов «Славная народно - освободит. армия Китая» 3.75. Журнал «Советский воин», 22-24 6.00 Цифры потрясающие мир 0.65 Н.С. Хрущев «О контрольных цифрах развития нар. хоз. на 1959 -1965 гг.» 1.50. Юмор наших друзей 1.30. К. Логинов «Двое в Касоте (?)» 50 к.	Игорь Артемьев «Первый искусственный спутник Солнца» 85 к. Белорусские народ. сказки 6.20 Н. Почивалин «Выстрел на окраине» 5.40. Герберт Уэлес «Россия во мгле» 2 р. Румынская литература 4 р. История древней Греции 8.85. Раб.кр. кореспондент 1 р. Отрывной календарь 1960 = 2 шт. 8 р. Н. Бабин «Дружба навеки» 75 к. А(?) Беляев «Где же вы теперь» 65 к. А. <нрзб.> «Злой дух» 2 р. Славный путь <нрзб.> К.Н.Р. 70 к. ---------- Двести семьдесят три руб. 70 к. Атеистическая литература. И.Сидоров. Из ребра ли Адамова. 70 к. Почему мы порвали с религией. 2 р. В.А.Брюханов. «Великий шаг человечества» 1.30 Г.А. Сулабов. «Раздумья о постах» 35 к. В.И. Ленин о религии 80 к. А.В. Луначарский Почему нельзя верить в Бога 80 к. К.Л. Воропаева «О Пасхе» 40 к. Правда о религии 7 р. Г.А. Суглобов «Венчается раба божия» 58 к. Евангельские сказания и их смысл. 3 р. 60. ---------- Шестнадцать руб. 05 к. ---------- Всего двести девяносто рублей 65 коп.

*Из манускрипта В. В. Щастного «Воспоминания из газет

1917–1918 гг. и прочие заметки за 1959 год(а)». С. 86–88.

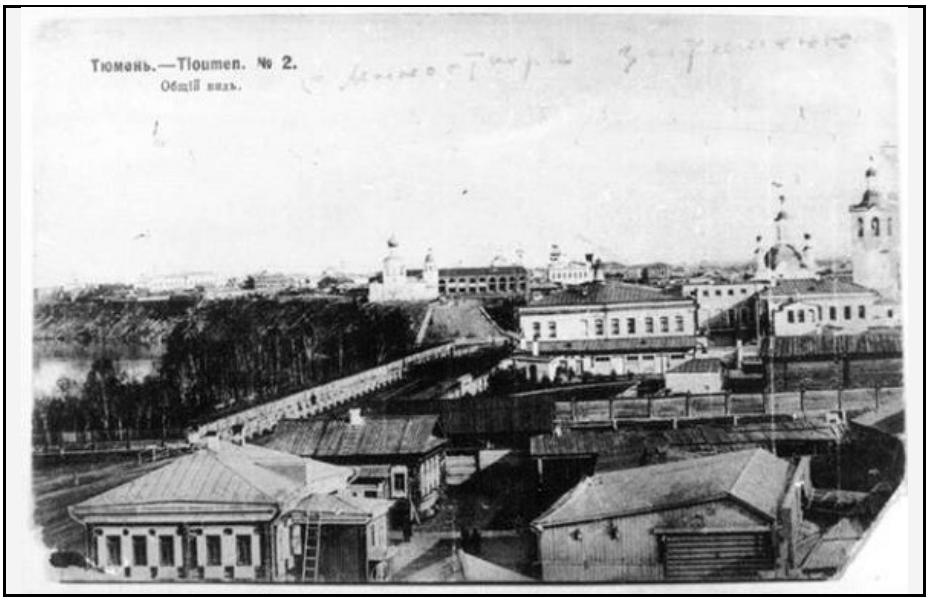
Этот обширный эклектический перечень особенно нагляден при сравнении с каталогами личных библиотек старых тюменских мемуаристов — купца Н. М. Чукмалдина или приказчика П. Ф. Кочнева[4]. Стилистика новой эпохи не в пример демократичнее: А. С. Улыбин, вероятно, вдохновлявшийся при написании своих «Заметок о Тюмени» сочинениями русских литераторов (его книжечка очень напоминает, и структурно, и тематически, одну из глав мемуарной книги Н. Д. Телешова)[5], конечно, писал проще.

«Москва прежде» Н. Д. Телешова	«Заметки о Тюмени» А. С. Улыбина
Масленица	
В субботу на свободной половине Красной площади происходило праздничное катанье… Образовывалась громаднейшая петля не только во всю обширную площадь, но и за ее пределами; одни ехали вперед, близ рынка, другие назад, по линии торговых рядов, и так кружились часами. А внутри этой колоссальной петли стояли группами полицейские офицеры… они руководили порядком…	Традицией было катанье на лошадях по ул. Царской от музея до Первомайской, а, когда наплыв был большой, то полицейские околоточные направляли поток вкруговую по Ленинской [улице].
Колоссальная манежная внутренняя площадь была вся в цветах и клумбах, в декоративных растениях, благоухающая тонкими разнообразными ароматами. А так как это бывало в раннюю пору весны, когда на улицах иногда лежал еще грязный и мокрый тающий снег, то впечатление от этого необычайного громаднейшего цветника бывало радостным.	В кашёвки большие и малые, запряжённые лошади были украшены искусственными цветами, бубенцами, у дуг были по 2 колокольчика… Если масляная неделя была поздняя и была уже оттепель, то снег от массовой по нему езды становился серый от примеси земли.

*Пример параллельных мест.
Книги Н. Д. Телешова и А. С. Улыбина.

5) *Структуры воспоминания*. Тем, не менее, именно эти авторы явились тогда единственными продолжателями тюменской городской мемуарной традиции: мы вряд ли встретим что-то подобное в архивах тогдашних официальных тюменских интеллигентов, по большей части приезжих, не связанных прочными узами с пыльными длинными улицами городка на реке Туре. Структуру всех собранных в эту книгу наивных текстов задает известный со времен античности естественный мнемонический метод «*loci*», располагающий воспоминания в пространстве. Отвечая на вопрос «где какие были строения?» мемуарист приводит в порядок собственное прошлое,

неотделимое от брэндмауэров, черных деревянных двухэтажных домиков, углов и перекрестков, грязных площадей и облупившихся белёных колоколен города Тюмени.



6) *Вид города как автопортрет*. Подобные виды города представляют собой автохарактеристику рассказчика: Тюмень как город детства «газетных мальчиков» обладает особой топографией, особыми местами памяти и узлами притяжения: инфантильные воспоминания о немудреных развлечениях соседствуют с тревожными и травматическими опытами насилия, им хорошо известны пронизывающие центр города овраги, публичные дома улицы Новой (ныне Профсоюзная), нравы купеческих лавок и тротуаров улицы Царской.

Однако, образы эти сглажены, согреты тем, что стоило бы назвать «*тюменским светом*», ведь это взгляд в милое прошлое. Тем более важно, что подобные мемориальные автопортреты старожилов оказались воплощены не только в манускриптах, но и, например, в живописи: многочисленные вечерние эскизы летних тюменских окраин оставлены А. П. Митинским, также выдающимся мемуаристом[6]. Последнего, впрочем, ни в коем случае нельзя назвать наивным художником. Более подходящий нам пример — А. Г. Галкин, механик 1890 г. р., который на пенсии, в конце 1950-х гг., увлекся рисованием. Работая в тюменском музее (именно Галкин в 1953 г. впервые починил стоявшие со времен гражданской войны часы на бывшем здании

Городской Думы), он, вероятно, был близок упомянутому кругу самодеятельных краеведов, и, несомненно, разделял их «историографические» настроения. Два десятка его картин, которые хранятся теперь в тюменском музее, представляют собой сияющие пейзажи города Тюмени, выполненные по мотивам видовых открыток начала XX в. Живописный этот метод близок литературному методу остальных наших героев — яркие домики и небеса с полотен Галкина окрашены той же сюрреалистической нежной эмоцией, что и воспоминания Иванова, Улыбина, Калугина и Захваткина.

Судьба рукописей сложилась по-разному: это история пыли, желтых мятых бумажек, выцветших чернил, заботливо переплетенных неведомо кем ксерокопий. Мерцающий характер этих текстов — «*что вы мне приносите всяких шизофреников?*» — был явно не по нраву издателям советской закалки; только в последние годы некоторые из этих сочинений были опубликованы в специальных краеведческих изданиях. Мы лишь взяли на себя труд собрать их, поместить под одну обложку и преподнести читателю в удобном варианте. В этих мемуарах есть особенное историческое сонное чувство и тревога, которая всегда сопровождает жизнь городов.

NV.

Николай Захваткин
Детство и юность Марасана

Захваткин Николай Степанович (1903–1995).

Работник торговли, спортсмен-тяжелоатлет, спортивный судья. Служил во флоте матросом-электриком на канонерской лодке «Троцкий», с 1928 по 1938 г. — сотрудник ОГПУ-НКВД, принимал участие в репрессиях. В 1938 г. уволен из органов и исключён из партии. Был директором ресторана станции Тюмень, в 1958–1965 гг., вплоть до ухода на пенсию, директор гастронома. Трижды вступал в партию (РСДРП, ВКП(б), КПРФ), дважды был исключён из ВКП(б) и КПСС (1938 г., 1958 г., в КПСС больше не вступал).

Отец Марасана Степан вырос в сиротстве — без отца. Мать его работала няней у господ. Степанушко — так называла его мать, находился в чужих людях, кормился тем, что приносила его мать: остатки с господского стола, что постоянно выбрасывалось для рогатого скота и собакам.

На такое житье никто не жаловался. Степан был и рос крепким, здоровым парнишком. Мать возлагала на него большие надежды в будущей жизни. Степан не обременял свою мать и квартиросдатчика, которому отводился угол на кухне или на сеновале.

Когда Степан подрос до 11 лет, мать его отдала в «мальчики» на завод, который вырабатывал прокатное листовое железо. Что бы дать окрепнуть и втянуться в физический труд сына, она переехала на местожительство в Белохолунидинский завод, а когда уже вырос Степан, стала его сбивать на женитьбу. Он был неграмотным, даже не мог расписаться своей фамилией. Настояние матери о женитьбе, Степан воспринял, как положено. Ему было уже 20 лет. Порекомендовали Степану в жены девушку Александру, выросшую в большой рабочей семье тоже не грамотную. На сбережения матери Степану был выстроен деревянный дом, состоявший из одной комнаты и богатейших полатей. На этих полатях в последствии размещалась семья пять человек, а на русской печи спали родители. На военную службу Степана не брали, как единственного сына у матери. Дали ему белый билет, поэтому его и называли «Белобилетник».

Из мальчиков Степан добился до мастера по прокату железа. Весной и летом железо грузили в барки и водой сплавляли по

реке Белая Холунда в центр Вятской Губернии. Не раз и не два Степан рассказывал своей семье о тяжелой жизни. Работа была горячая, на лапти надевались деревянные колодки чтобы не сжечь ноги. Лицо Степана было от постоянного огненного железа в коростах. Только природная сила, да семья оставляла Степана уравновешенным, Он не пытался куда-то уехать или сменить работу. Семья подрастала и их надо было кормить и учить. Испытывая свою неграмотность, он принимал меры, чтобы закончили его дети 2-х классную церковно-приходскую школу. — Старший его сын Павел закончил эту школу с похвальным листом, дочь Александра проучилась три года и ее отдали в прислуги, Михаил учился в 4 классе, обладал хорошими способностями и Николай учился в. 3 классе. Все, кто учился нуждались в одежде, обуви и питании.

Марасан Николай пошел в школу в матерчатых старых башмаках в резинку. Только тряпье, намотанное на ноги спасали от обмораживания и простуды.

В 1910 году завод был закрыт. Всех рабочих рассчитали и они стали разъезжаться по заводам Урала: в Надежединск, Горноблагодатск, Чусовской и др.

Степан долго советовался со своей Александрой о поездке на заработки. Разговор был в слух, со всей сердечностью и глубокими переживаниями.

Только одно было ясно, что Степан едет и с собой берет 15-летнего Павла. Настало время отъезда, верней ухода пешком до ст. Слободское.

Степан обещал писать, как устроится на работу и куда пристроит к делу Павла.

Зная, что никаких сбережений и запасов не оставалось, он обещал с первого заработка выслать, чтобы не умереть от голода оставшимся.

Шли месяцы, а денег не поступало и писем. Чтобы облегчить Существование, мать взяла с собой Николая, и пошла с ним по деревням собирать милостыню. Таких нищих было настолько много, что в некоторых домах отвечали: «бог подаст», «много вас тут ходит».

Только из сожаления к Николаю, одетого в лохмотья кусочки находились для подаяния. До получения денег и письма мать с Николаем обошла все деревни находящиеся вблизи завода.

Так жила семья Марасана, а вернее прозябала. Когда ложились спать без куска хлеба. Мать, скорбя за всех успокаивала

голодных детей вот приедет отец и Павлик, привезут денег и мы купим муки и наедимся досыта. Эта семья питалась в основном картошкой, грибами и подаяниями.

На третьем году школьной учебы Николай Марасан хорошо писал, читал и на удивление товарищей и домашних хорошо учился на уроке «Закона божьего». «Чесослов», где были напечатаны кондаки тропари, по которому учились. Ннколай знал на изусть. Славянский титл переводился на разговорную речь хорошо.

Священник- отец Петр приблизил своим вниманием Николая. Вызвал в учительскую и подал записку Николаю и сказал. Вот сходи по этому адресу и передай хозяйке, она тебя отблагодарит. О подробностях не сказал. Марасан после школы пошел по указанному в записке адресу. Это было за рекой, надо было идти по заводской плотине, мимо завода, в котором все замерло и молчало. Перед плотиной возвышалась церковь осиротевшая от прихожан. Народ страдал, народ — голодал, народ мучился обездоленностью. Только Николай заметил, что в завод заслали конных казаков. Все на добрых сытых лошадях, в безкозырках, молодые с накрученными усиками и чубами на левом боку.

Так Николай добрался до адресата. В кухне встретила его средних лет женщина, которой была передана записка. Прочитав, он была обрадована, что отец Петр обращался к ней.

А потом, через несколько минут вынесла поношенные валенки и подала Марасану с такими словами: Возьмите вот эти валенки и благодарите вашего батюшку, он о тебе побеспокоился. Небось холодно в матерчатых-то башмаках? Да, холодно! Сказал Марасан и отблагодарил ее и отца Петра. Так был обут Марасан, чтобы закончить третий класс. Мать Марасана, выведав все от сына, то же благодарила всех заочно и что-то облегченно вздохнула. Ну ладно сынок, будем ждать отца. Он на постоянную работу наверное нигде не мог поступить, а. на временных заработках не получается, все проедают, полагаю, что скоро будут дома.

Малосемейные и молодежь уезжала со всем. Многие уезжали в города Сибири и Урала. Заметно было: все заброшенные. дома, с заколоченными окнами и ни одной живой души, но объезд казаков продолжался по всем улицам.

[…]

Когда семья была в сборе, отец глубоко вздыхая процедил сквозь зубы — «нам, Шура, с такой оравой ребят здесь не прожить. Надо уезжать в Сибирь! Если мы не уедем отсюда, то

подохнем, как мухи.

Я встречал много рабочих, побывавших в Сибири и говорят, что там прожить можно куда лучше, а некоторые, смеясь, говорили, что там в Сибири на деревьях растут большие калачи из белой муки, которые мы ещё не попробовали, чем они пахнут.»

Так, семья Марасана дождалась долгожданного потепления. Собрались четыре семьи: Морозовы, Десятковы, Колпащиковы и семья Марасана. На последнем санном пути, на санях были установлены короба, заполненные соломой, в них везли малышей. Сами главы семей шли пешком.

На первых километрах от завода встретилась упряжка в легковом коробке, на которой сидел сын местного торговца — младший Быков. Заметив Николая, он пригрозил в его сторону кулаком. Все обратили внимание, но времени для расспросов не было. Быков младший ударил лошадь кнутом и только это и видели. Однако Павел, шедший с отцом, вскоре приблизился к подводе, где ехала мать с двумя сыновьями и Павел спросил Николая — кому пригрозил Быков кулаком?

Николай в неторопливом тоне в присутствии матери и брата Георгия пояснил, что Быков затаил злобу против меня за то, что я ударил его лаптой. Павел и мать попросили рассказать подробнее.

Это было этой осенью, в воскресенье. Мы собрались у Павла горбатого, играли в лапту. Быков на тележке вёз ягоды, грибы и капусту в ящиках, которые скупались у населения. Наш Мишка сказал в адрес Быкова «Сивка, бурка». Быков остановился, достал нож и бросился на Мишку, догнал и стал ножом нажимать ему на спину. Когда Мишка заплакал, я лаптой ударил Быкова, у того нож и выпал, тогда мы его все крепко избили. Вот он и сердится на меня. А не тогда ли было, когда Михаил пришёл с слезами и проколотой кожей на спине? Да, ответил рассказчик. У Мишки кровь долго текла. Вас могли посадить, а не посадили потому, что он был с ножом и первый на вас напал. Меня по этому поводу вызвал околоточный и расспрашивал. Хорошо, что не было отца, он бы тебе всыпал. Ты знаешь, отец Быкова отпускал нам: керосин, соль, спички в долг. А потом, как бы про себя дополняла — за это он мироед проклятый получал двойные барыши. Ну да ладно, бог с ним, где наше не пропадало.

По пути следования до г. Слободского были остановки, чтобы напиться чаю, да немного обогреться, да и покормить лошадей. Потом подводы с переселяющимися добровольно шли к первой ж.д. станции.

На одной остановке мать рассказала, что мы поедем в Сибирь

там есть город Тюмень, там живёт моя сестра, замужем за портным Ильиным, он будь то и писал, что работу можно найти и ребят пристроить к делу.

Когда прибыли на станцию Слободская, то отцы пошли в кассу брать билеты, а тем временем матери рассчитывались за подводы. Не успев ещё последние узелки взять в руки, как пришли отцы и предложили идти на вокзал т. к. ожидался поезд. Прошло около получаса поезд подошёл и было объявлено о посадке. Все торопились, только семейные матери, как утки с утятами шли не торопясь, чтобы не растерять глазеющих по сторонам своих домочадцев.

Когда сели в вагон, то старались сесть рядом со своими, заводскими. Вагоны были с двумя ярусами. Наверху можно было спать в четвером. Как только поезд тронулся, вся семья была уже в сборе. Отец сказал матери — как только начнут проверять билеты, то Николку и Георгия прячь в тряпьё и загородите, чтобы не высадили из вагона. Услышав эти слова, все были на стороже. Оказывается, у отца Марасана не было денег, чтобы купить на двух сыновей ж.д. билеты.

Предупреждение отца не заставило долгого ожидания. Проводник вагона во все услышание на весь вагон крикнул. Пассажиры! Приготовьте проездные билеты контролёру! После этих слов во втором ярусе мать и сестра прятали зайцев, а своими спинами закрыли ворохи тряпья. Когда подошла очередь проверять билеты, то контролёру было предъявлено четыре билета. Когда контролёр посвятил фонарём угол лохмотья, переспросил отца. Никого больше нет? Нет — послышался ответ. Первая ночь и последующие дни продвижения были настолько насторожены, что лишний раз уже не показывались на глаза проводнику. Вагон был переполнен разными людьми, едущими в сторону Сибири. Половину его занимали семейные.

Из уст матери, почти каждый день, пока ехали до Тюмени слышались предупреждения — «Смотрите, не шевелитесь и не выглядывайте! На Вас, у отца, денег не хватило. Вас высадят — куда вы тогда? Погибнете, как черви!»

Тем временем, проводник каждый день объявлял — Граждане, подъезжаем к — станции. Кому на выход — приготовьтесь. Стоянка — минут. Подъезжая к станции Тюмень проводник так же ритуально объявил, чтобы пассажиры приготовились к высадке из вагона. Отец и Павел зашевелились, стали собирать подстилки, за которыми прятались два брата.

С прибытием на место, высадка прошла благополучно. Таких пассажиров направляли в Привокзальный сад, а там кто куда.

Весь багаж был распределен с учетом физических сил, включая и младших. Двинулись ватагой в цепочку, посемейно, тем самым обращали внимание всех, кто встречался: пешему и конному.

На первый случай нас принял к себе портняжка- так называли тогда всех, занимавшихся портняжным делом. Ильин занимавший флигель по ул. Новой, он не успел еще зарекомендовать себя хорошим портным, его сын Василий торговал газетой «Ермак», издаваемой в г. Тюмени. При первом знакомстве с Василием, последний рассказал, что он приносит домой от 30 до 40 копеек каждодневной выручки. На второй день, утром Василий берет с собой Николая и вместе дожидались выхода этой газеты в продажу. К приходу их на крыльце в пять ступенек от земли уже стояли такие же, как они, босяки, ни чем не отличающихся от приезжих, человек пятнадцать. Когда подошла очередь, Василий взял 60 газет из них дал младшему Марасану 20 шт.

Василий предупредил, чтобы ни с кем из мальчишек не связывался в драку.

Василий не успел закончить начатую мысль о втором наказе, сам бегом соскочил с крыльца на землю и бежал с криком Вот кому нужен свежий номер газеты «Ермак»! Очень интересна! В след за ним бежал и Николай, но не кричал. Василий остановился и предупредил, чтобы Николай бежал по другой стороне улицы и кричал «Вечерний выпуск газета «Ермак»! Очень интересна! Эти два газетчика пробежали: главную улицу, Вокзальную, Серебряковскую, Новую. И только к вечеру были распроданы газеты.

Когда вернулись домой и подсчитали барыши, то недосчитались 10 копеек, которые проели. Когда матери спросили, — а что же вы покупали? Николай ответил — покупали одну салаку и покупали колбасные обрезки за 7 копеек.

Эти два газетчика все время ходили в двоём и когда Василий кричал «Вечерний выпуск газета «Ермак» очень интересна!» то Марасан вторил тоном ниже с противоположной стороны улицы.

Там в издательстве познакомились с таким же босяком по прозвищу Кондраха.

Прошло два-три дня после приезда, отец Марасана нашел себе и Павлу работу на Керосинном складе «Каспийское товарищество».

Он возчиком керосина, а Павел в бондарную учеником бондаря. А в отношении Николая, он сказал- я отдам его в пастухи помощником.

Работа, которую предоставили семье, она вполне устраивала т. к. предоставлялась квартира из одной комнаты в 12 кв. метров и общей кухней. Ребятам разрешалось спать в бондарке. Запах

клея и керосина уже не мешал, они уже свыклись и примирились. Других условий не предвиделось.

Дом, в котором жила семья с восточной и западной стороны окружала железнодорожная насыпь, а в 40 метрах «Загородный сад» с алеями из различных пород деревьев: сосны, березы, ели, липы.

И очень много было мелкого кустарника. Но тот сад уже стал забываться в связи с германской войной. Интеллигенция и обыватель проводили время в летнем приказчичьем клубе или в зимнем клубе, находящемся на главной улице называемой Царской.

Рано утром можно было слышать рожок пастуха. Из этого дома, где жила семья Марасана угоняли двух коров. Однажды, отец Марасана пригласил к себе пастуха и предложил ему в помощники Николая. Пастух согласился и сделку закрепили обоюдным пожатием рук.

В это время Николай был в бондарке сжигал стружку и разогревал клей, — пока брат Павел производил другую работу. Услышав голос матери Николай быстро вошел в комнату и увидел постороннего мужчину, которому поручалось взять с собой подпаском.

Не зная, в чем дело Николай заупрямился, тогда его отец взял ремень, чтобы воздействовать. При этом обращаясь к Николаю, заявил «У меня не хватает сил Вас прокормить! В первый раз видел Николай отца в таком состоянии. И от куда взялась у него такая воля упрямства, чтобы категорически отказаться. При этом заявил, что лучше, я буду торговать газетами, чем быть подпаском и заплакал.

Видя плачущим Николая, мать отговорила отца, последний долго ворчал, а потом сказал: «Ладно, посмотрим, как ты будешь торговать газетами»?

Пастух ушел. В этот же день Василий и Николай стояли вместе, ожидая свежих номеров газеты «Ермак». Когда подошла очередь Николай взял 40 штук. И с такой же быстротой спрыгнул с крылечка типографии закричал заученную фразу. Торговля шла медленно. Последние номера газет продавались возле кинотеатров «Вольдемар» и «Гигант». Пришел домой поздно. Мать уже волновалась, не спала, но когда узнала, что принес выручки 80 коп, мать не удержалась и прижала к своей груди и чуть не расплакалась. Сказав — ты у меня молодец!

Торговля газетами у всех мальчишек прогрессировала. Им в типографии рассказывали, что печатается в каждом выходящем номере газеты. Кроме того сами газетчики находили важное —

сенсационное.

В отдельных номерах газет сообщалось, что наши войска на Западном фронте оставили город Перемышль. Потом Прибалтийские города, а затем Варшаву. Газетчики после слов: «Сдали такой-то город», дополняли фразой «Очень интересно!»

Сегодня Николай и Василий прибыли раньше обычного с расчетом, что взять больше газет и получить хорошую выручку. День стоял солнечный, ласково обжигая лица мальчишек. Неудержимо бежали два первых газетчика по главной улице и кричали «вечерний выпуск газета «Ермак» очень интересна — наши войска оставили город Варшаву». Встретившийся прапорщик заставил повторить, что выкрикивал Марасан — он охотно повторил. Прапорщик покупает газету и пытался ухватиться за ухо и надрать, но Марасан убежал. Не поняв — почему газета не интересна — если он ее купил?

Был такой, еще не встречавшийся в жизни газетчика факт: На главной улице, на углу Садовой, возле большого магазина Агафурова стоял киоск торговавший всеми газетами издаваемыми в дореволюционной России — «Русское слово», Газета-копейка, «Известия» и др. Марасан вдохнул в себя больше воздуха и крикнул заученную фразу к «Ермаку». Не подозревая, что рядом стоял урядник, которого старые газетчики хорошо знали и боялись. Он не терпел крики газетчиков. И только была закончена фраза «Очень интересна»! Василий Иванович — так звали урядника рассвирепев, ударил Марасана ножнами сабли. При этом все присутствующие засмеялись и Кондраха то же, а Марасан прослезился. За этим урядником числилось много газетчиков, из новичков, которых он бил и бил довольно больно. Издатель газеты «Ермак» в одном из номеров газеты поместил несколько строк, что Григорий Распутин выехал на свою родину в с. Покровское. Никто из газетчиков, да и издатель газеты не мог предвидеть, что спрос на газету повысится. Многие обыватели, мелкие торговцы, чиновники долгое время после этого задавали вопрос газетчикам: О Гришке Распутине ничего не пишут в газете?

Всех интересовал Распутин, которого здесь знали, как конокрада, бабника, бродячего монаха пробравшегося в салоны императрицы.

Марасан уже свыкся с условиями и хорошо познакомился с окружающими его газетчиками. Среди ребят выделялись два брата Валетовы. Жившие на Новой улице, по которой возвращался домой Марасан. Эта улица была освещена в шести местах красными керосиновыми фонарями или такой же красной электролампочкой. Другие же улицы совсем не освещались. И

когда газеты оставались не распроданными, то Марасану ничего не стоило возле такого «дома с красным фонарем» крикнуть. Все «гости» этих домов, которые еще не захмелели и не увлеклись «Красотками», то выходили и покупали. Даже содержатели этих домов нередко пользовались услугами газетчиков. Узнав братья Валетовы, что Марасан продает газеты в их улице решили набить его «один на один» «на кулачках». От вызова нельзя было отказаться и Марасан вызов принял. Все кто присутствовал стали нашими судьями. Правило кулачных боев, присутствующие хорошо знали: Лежачего не бить, только драться кулаком, — без перчаток. Побежденный тот, у кого: нос разбит или зубы, или ложится на землю. Сделан был круг из среды газетчиков и проходящих зевак, — любителей подобных зрелищ. Противники стояли друг против друга. Присутствующие стали выкрикивать. Ну давай! Начинайте! Что стоите!

Младший Валетов сказал старшему: — не трусь начинай!

Марасан приготовился принятъ бой, а Василий и Кондраха его подбадривали — бей в нос!

Получилось так, что противник Марасана без разведки, не подошел, а подбежал, чтобы одним ударом сразить Марасана, но тот в стойке подставил свой кулак угодивший в нос и тот схватился, чтобы остановить кровь.

Так было завоевано «снисхождение» и авторитет Марасана среди мальчишек.

Марасану довелось позднее участвовать в подобных кулачных боях, которые устраивались между районами «Стена на Стену»

Например самые большой бой был между тычковкой и Сараями, между «Зарекой» и «Городом» на льду. Под одобрение и подзуживание начинали всегда мальчишки, а потом выходили и старые бойцы, подстрекаемые лавочниками и зажиточными любителями кулачного боя.

В награду бутылка водки. Кулачный бой «Стена на Стену» проходил без правил и врачей — под девизом «Кто кого?»

В один из таких жарких боев, проходивших между Сарайскими и Тычковкой, дошел до массового побоища, уже пошли в ход палки, камни, колья. Что бы остановить побоище была вызвана пожарная команда и полицейские. Только такие меры могли остановить взбудораженные страсти, при этом не обошлось без вмешательства врачебной помощи.

Бесплатное зрелище доставляло большое удовольствие главным образом мальчишкам.

Учащиеся «Реального училища» и «Коммерческого», когда их собиралось много, нападали на газетчиков и были случаи

избивали их.

Но, это проходило не безнаказанно. Газетчики делали засаду в глухих улицах и рассчитывались, пока не вступались взрослые. Как правило, всегда виноваты были хулиганы-газетчики. Их могли бить, за них никто не вступался.

Марасану пришла мысль, с пачкой газет подойти на перрон Вокзала к приходу пассажирского поезда. Перрон этого вокзала ст. Тюмень имел по фасаду большой навес. Народу было очень много, что обрадовало Марасана, и он долго не размышлял, крикнул заученную фразу газеты «Ермак». Резананс был настолько велик, что все пассажиры повернули головы в сторону газетчика. Не успел Марасан продать и пяти газет, подошедший жандарм схватил Марасана за руку, газеты выхватил и привел в канцелярию ж. д. жандармерии, которая находилась там же. Три человека распотрошили все газеты. Просмотр был тщательным. Жандармский офицер, себе в удовольствие оттянул, то за одно, то за другое ухо, с такой силой, что Марасан от боли стал кричать. Этот же жандарм заставил собрать газеты. А пока Марасан собирал их, жандарм внушал, чтобы никто из газетчиков и не помышлял приходить сюда. Нам здесь газет не носят. Если еще попадешься, то не сдобровать и твоему отцу. Марасан вышел из помещения, а его уже встречала толпа любопыт-ствующих и рабочих ж.д. И первый вопрос был задан: За что тебе уши надрали? Не знаю — ответил Марасан. Стоявшие в толпе рабочие: носильщики, грузчики отвечали:- Жандарм думал, что мальчик распространяет крамольные листовки.

Последнее событие стало предметом домашнего обсуждения. Когда было покончено с подробностями рассказа, мать обняла Николая, сказав ему: Крепись сынок! В жизни все встречается. Только ты на Вокзал больше не ходи. Отец по другому рассудил — тебе надо Колюха подыскивать другую работу.

Наступила уже осень, младший Марасан продолжал торговлю вечерней газетой «Ермак». Был более осмотрителен. И вот вечером отец Марасана сказал своему сыну — Я тебе Колюха подыскал работу мальчиком в бакалейную лавку, за три рубля в месяц, на хозяйских харчах. Домой будешь приходить только по Воскресеньям. Завтра пойдем со мной. Хозяйка посмотрит на тебя если понравишься, то сразу и останешься у нее. В напутствие было сказано: будь честным и слушайся старших: хозяйку, доверенного и трех приказчиков.

На второй день состоялось представление. Хозяйка сидела за своей кассой- подменяла кассиршу, та уходила. Ирина Афанасьевна [Пелымская] задала несколько вопросов. Первый

вопрос: как тебя зовут? И второй — знаешь ли таблицу умножения? Когда на эти вопросы дан был ответ, последовал еще вопрос — А лучше одежда есть? И сколько тебе лет? В отношении одежды было сказано, что не успели еще сшить, а на второй вопрос Николай ответил, что в декабре будет 11 лет.

После образного ритуала хозяйка сказала отцу: Ты ему купи одежонку получше, да и на ноги. А это помещение не отапливается, может и простудиться и заболеть. А потом сказала: Ладно, оставляй сына.

Отец Марасана постоянно возил керосин в лавку и встречался с сыном. На вопрос — Что тебя заставляют делать? Николай стал перечислять: подметаю помещение магазина, заправляю керосиновые молнии, чищу стекла, езжу за дрожами, ну хозяйка заставляет иногда унести покупки мелким торговцам. А когда хозяйка заболеет, то ночью бегаю в аптеку за лекарством, бегаю на почту и телеграф. А где спишь и на чем? На этот вопрос Николай так ответил отцу: сплю на верстаке в пряничной мастерской, пальто в голову, а подстилки у нас ни у кого нет. Со мной спят трое таких же ребят: Степка, Володька, Семен. Они сажают пряники на листы и укладывают их в ящики. Нам весело! Отец остался вполне доволен, что Николаю весело работается. Каждый раз в 12 часов лавка закрывалась на обеденный перерыв. Кроме Николая столовались у хозяйки Иван — работавши таким же мальчиком и приказчик по имени Емельян. Оба они из д. Артамоново. Трехразовое питание, всем хватало- Емельяну и мальчикам. Жалоб никто не высказывал. Каждый месяц Николай приносил домой по три рубля и отдавал матери. — На деньги, которые сберегла мать, было куплено пальто, валенки, а весной сапоги с галошами. На что хозяйка хорошо отреагировала, такими словами: Вот видишь, ты уже похож на маленького приказчика.

Не долго суждено ходить в новом пальто. Приказчик наполнял бачок конопляным маслом, а Николай придерживал бачок. Остатки масла приказчик решил вылить из бочки прямо в бачок, и по неосторожности остатки масла угодили на полы нового пальто. Какая досада и обида за случившее положение? А вот за масло высчитали 2/3 с приказчика и за 1/3 с Николая. Хозяйка потом напутствовала потерпевшему Марасану — Ты Николай, сшей фартук, чтобы второй раз не случилось подобного». Потом, это пятно масленое, так залоснилось, что стало, как шагрень. При встрече с отцом, он долго жалел, что получилось нескладно, но потом тихо произнес: ладно походишь так, а там наши дела направятся и другое купим.

Только новая беда на нас нависла, брат твой Павел заболел чехоткой. Ему надо было беречься, а он себя не жалел в работе.

Действительно брат вскоре умер.

За месяц до смерти Павел передал Николаю справочник, автором которого был Калугин Т.Ф. Из этого справочника Павел прочитал несколько дат исторического порядка. Во-первых Николай узнал, что город Тюмень раньше называвшийся «Чанги-Тура». Основан в 1586 году, что в начале XII в. Тюменский хан ходил войною на Пермь, но был разбит воеводою князем Ковром. Из этого справочника так же стало известно, что после завоевания Сибири Ермаком первыми жителями были Пермяки.

Город и посад несколько раз опустошался от пожаров. Наряду с экономическим описанием имеется такая запись:

«Каждый ремесленник и приказчик так же стремился заняться самостоятельной торговлей и, при счастьи, сделаться впоследствии купцом и родители среднего и даже бедного сословия часто отдают своих сыновей в мальчики в лавку или в торговое предприятие, чтобы из него вышел приказчик, а в будущем сделаться и самостоятельным торговцем, а при успехе ведения дела, и купцом».

Павел не скрывая свою болезнь к этой записи внес свое резюме:

«Скорей подохнешь, чем станешь каким-нибудь мелким торговцем».

В один из вечерних воскресных дней Марасан пришел в мастерскую, мальчики Степан и Владимир дробили и просеивали аммонию. Запах был невыносим. Увидев присутствие Марасана в один голос заговорили — мы тебя ждем. Пойдем с нами в кино «Вольдемар», там показывают картину «Антон Кречет»- хорошая картина. Марасан стал отказываться, что у него нет денег, и что он ни разу не был в кино. И у нас нет денег — заявил Степан. Пойдем без денег проберемся. Заманчивая идея, перед которой не удержался Марасан. В пути следования Степан и Володя поинтересовались за что же был уволен Иван, с которым работал?

Марасан рассказал, что его и Ивана вызвал доверенный Смирнов И.Д. попросил обоих вывернуть карманы. У меня ничего не оказалось, а у Ивана в кармане оказались две пачки папирос «Тары — Бары» и конфеты. Доверенный за это избил. Ивана по лицу и вытолкнул за двери и сказал ему, чтобы больше в лавку не показывался, а меня предупредил, что за подобные воровские махинации ждет и тебя Марасан такая же участь!

Ребята выслушали внимательно, а потом Володя сказал: Он

здорово курил. Это хорошо знал Емельян приказчик и сам покуривал Ивановых папирос.

Когда пришли к кино-театру, народу было много в фое и на улице. После первого звонка все трое встали друг за другом с противоположной стороны контролера. Когда задние ряды нажали, то все трое оказались в зало и сразу на передние скамейки, устроились ожидая контролера. Но последовал второй звонок, загас свет и появились на экране люди.

Картина была просмотрена с большим ребячьим вниманием. Степан восхищался силой и находчивостью Антона Кречета — как он обводил сыщиков? Володька добавил — он бы не был пойман сыщиками, да его товарищи оказались продажными. Марасан то же вклинил свою мысль- надо подбирать товарищей, чтобы они были преданными друг перед другом. При этом приводил факты из жизни газетчиков: между газетчиками и гимназистами были обоюдные стычки.

Они нас называли «голопузики», а мы их называли «маменькиными сынками». Они нас боялись. И нападали только группой на одного газетчика. Вот тогда верх был ихний. А так мы били их запросто. Марасан остановился возле хозяйского дома. Как войти во двор полушопотом, заговорщецки, обеих друзей предупредил, что бы они молчали, о чем он хочет поведать своим товарищам. Те оторопев, потом скороговоркой. Даем честное слово, вот те крест, будем молчать. Ну ладно слушайте!

Марасан им рассказал, что на заводах Урала и на том заводе откуда он приехал в Тюмень, поют запретные песни, за которые сразу сажали в тюрьму. Вот, такая песня, как: смело товарищи в ногу, «Отречемся от старого мира» За этими песнями охотились казаки, полицейские и даже попы.

Этот разговор внезапно прерывает Степан таким вопросом — ты знаешь моего брата Афанасия? Вот он работал в Горноблагодатске и научился петь «Смело товарищи в ногу». С. этого разговора началась настоящая дружба мальчишек. Однажды сторож заметил Володьку, что он раскатал бочки с черносливом. Как он потом признался своим друзьям, что хотел попробовать, но сторож отпугнул и у Володьки ничего не получилосъ. После доклада сторожа, хозяйка вызвала Володьку и предупредила, чтобы он больше не выходил на работу. Марасан и Степан пошли к хозяйке и стали просить чтобы Володьку оставили на работе. Хозяйка сперва наругала заступников, потом спросила:- Можете поручиться за Владимира? Марасан и Степан дали честное слово, что он больше не сделает. К тому же, он не воспользовался ни одной ягодкой, Ну хорошо. Идите! Скажите Володе, что хозяйка простила до первого замечания. Потом, пустъ на себя пеняет! И

обращаясъ к заступникам с вопросом — Ивана Вы знали? Да — ответили мальчики. Так вот его я уволила а больше его в торговлю ни один хозяин не примет. После этого, еще дружней стали ребята. Они боролись, песни пели, говорили о том, чтобы сходить в кино посмотреть «Сашку семнариста». На этот раз в тот самый «Вольдемар» уже покупали билеты. После просмотра кинокартины перед сном возобновились горячие споры. Степан отзывался о просмотренной картине так: Сашка учился в Духовной семинарии на попа, но позарился на деньги стащил, но чьи те деньги? Эти деньги, уже церковные. И польза от них только «слугам божьим», но ни бедному крестьянину, и не рабочему. Володя и Марасан согласились с доводами Степана. Марасан после этого рассказал, что он видел сам, как попы и дьяки прямо в алтаре пьют вино, а прихожанам говорят вместе о молитвой:. И Тело Христово примите! Причащаемуся маленький кусочек, а домой себе, в корзине. Марасан вспомнил еще один факт, как священник Илъинской церкви был в гостях у доверенного керосинным складом. Крепко он подвыпил и пошел в туалет. Место для сидения было узкое. Он снял свой серебряный крест и заткнул в поленицу, а оправившись забыл про крест. Так ушел домой.

Этот крест был серебряным, через неделю обнаружил мой отец и передал доверенному. Я вручил хозяину. За эту находку отец получил три рубля. Только от него взяли слово, никому об этой находке не рассказыватъ. Этот рассказ вызвал у ребят смех. Марасан в промежутках, когда не было покупателей, брал веник и после опрыскивания подметал пол. Таким образом всегда пол был чистым. Не раз находил серебряные, или медные монеты и отдавал их кассирам или хозяйке. Однажды, в первой половине рабочего дня выметая мусор обнаружил бумажную десятку и испугался — не подлог ли? В это время за кассой сидела хозяйка, И Марасан с этой десяткой подошел, назвав ее по имени и. отчеству заявил, что вот: сейчас вместе с мусором замел десять рублей. Хозяйка смутилась, а приказчики стали переглядываться между собой, что Марасану показалось подозрительным, как будто все они в сговоре с хозяйкой. Хозяйка посмотрела в свою кассу и заявляет в присутствии всех — это твое счастье Николай! Все облегченно вздохнули, а Марасану не верилось, он все еще десятку держал в руках. А доверенный Иван Никифорович избивший Ивана — мальчика за 2 пачки папирос и пять конфеток бил по лицу и выгнал с работы — сказал Марасану: Молодец! Вот тебе и пальто! Держи и передай родителям.

Позднее старые приказчики рассказывали Марасану, что хозяева часто проверяют нашего брата. И в этом случае, с тобой

мог доверенный вместе с хозяйкой устроить провокационную проверку. Хорошо, что в магазине не было крупных покупателей, то десятку бы, они взяли обратно под разными предлогами, хуже получилось бы, если ты эту находку взял себе, то верняком тебя бы избил доверенный, как самого последнего жулика.

При очередном заезде с керосином отца, Николай отдал ему десятку и рассказал, что он ее нашел, отдавал хозяйке, а она вернула обратно и просила, чтобы вы купили мне новое пальто. Отец не поверил и обратился к доверенному, последний подтвердил. Ну хорошо. А я то бог знает, что подумал. У отца в кармане были двадцать копеек, он достал их и оказал: Вот тебе на кино. А десять рублей отдам матери.

Вечером, как всегда собрались: Степан, Семен, Владимир. Предметом разговора были десять рублей. Никто из ребят и не верил, что такая находка по счастью досталась Марасану. Все были одного мнения, что проверить честность, доверенный с хозяйкой сделали подлог. Что касается 20 копеек, то решили сходить в кино «Весь Мир» на кинокартину «Ермак». После просмотра велись обсуждения о дружине «Ермака», которая безмятежно спала, а тем временем татарский предводитель Кучум со своей ордой напал на сонную дружину. Ермак отступая с горсткой казаков бросился в Иртыш и кольчуга его потянула на дно. Единодушно все согласились — преимущество огнестрельного оружия против стрел, которыми вооружены были войска Кочума. А после беседы в полголоса запели Ревела буря дождь шумел». Володя слов не знал, но помогал. После того, как исполнена была запретная песня Степан предупредил всех, чтобы не проболтаться перед мастером или доверенным. Все пришли к обоюдному мнению об этой песне вообще не говорить никому.

В летнее время, по соседству с пряничной мастерской слышалась музыка, из помещения цирка Коромыслова. Цирк был досчатый. Когда находишься вблизи, то хорошо слышно было лай собак, хлопки кнута, аплодисменты публики.

Когда играл духовой оркестр между ребят возобновлялся разговор, как-бы посмотреть цирковое представление?

Все четверо ходили возле досчатого помещения цирка и высматривали; нет ли щели?

Чаще всего ребята смотрели если им не удавалось пробраться внутрь цирка, то смотрели в щель входной двери, но это было только для одного, остальных ждали своей очереди. Ребятам было интересно смотреть борцов, гимнастов: на трапеции, турнике.

Русско-французская борьба нередко переносилась прямо на верстак, бороли друг друга в партере. Марасан в этом виде был

здоровее и ловчее и брал всех на две лопатки.

Базарная площадь занимала болъшую территорию, от Горвоенкомата до ул. Галицинской. На этой площади устраивалисъ военные учения солдат перед отправкой на Германский Фронт. Ловко отрабатывали штыком солдаты: спереди чучело, кололи его штыком, с правого бока, колол или отбивал прикладом, и слева — чучело поражалось тем же приемом. Здесь проходили строевые обучения и шагистика с отдачей чести, а на площадке Горвоенкомата, там обучали будущих унтер офицеров. Там был турник, окопы, бревно для переходов и др. виды спортивных занятий.

1-я империалистическая война требовала много солдат, чтобы отвоевать оставленную территорию. На площади скапливалось много: крестьян, рабочих и горожан. Много пролито слез матерей и детей, которые провожали на фронт своих кормильцев. Появлялись раненые и калеки. Война стала уже ненавистной. Продажные генералы — пруссаки вместе с императрицей обрекали народ и армию на истребление.

Тем самым в народе открыто говорили, что царица-немка, генералы генштаба преобладали из немцев — они и продают Россию оптом и в розницу. Среди народа вспоминали и Гришку Распутина, сибирского конокрада и варнака.

Очередной сенсацией сибирских газет было сообщение об убийстве Распутина, которого спустили в прорубь р. Невы.

Все эти события и моральный дух русского солдата с каждым днем падал.

Трое мальчишек постепенно на этих высказываниях взрослели но все проходило во внутренних обсуждениях.

Марасан ходил к родителям через пристань 1–2. Он был свидетелем постоянных погрузок и конвоирования политзаключенных и других осужденных в Тобольскую тюрьму. Кандальный звон приковывал внимание всех проходящих. Конвоиры с обнаженными шашками наводили страх. Когда, толпа зевак останавливалась, чтобы внимательно рассмотреть идущих в кандалах, некоторые плакали. Особый интерес наблюдений при посадке парохода конвой бил тех заключенных кто задерживался при спуске в трюм.

В воскресенье трое ребят пошли на пристань посмотреть за первым уходящим пароходом в Тобольск. Народу на Дебаркадере было много: одни провожали отплывающих, другие смотрели на весенний разлив и оживление на реке. Каждое открытие навигации, куда тянулась молодежь. В одном таком посещении на п/х Тоболяк и когда пароход дал третий гудок к отплытию, из трюма отходящего парохода запели «Смело товарищи в ногу» Все

на пароходе всполошились, а конвойные больше всех кричали, чтобы прекратить пение. Но песнь продолжалась. Четко было пропето: Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой и т. д. А пароход уходил все дальше и дальше.

[…]

После февральской революции приехал муж хозяйки, который был музыкантом, воевать ему не пришлось и вшей в окопах он не кормил, но был сдержан на объяснения политических событий, происходящих в стране и на фронте.

Руководство торговлей от доверенного Ивана Никифоровича перешло хозяину. До женитьбы на хозяйке он работал Комивояжером от крупной фирмы. Внешне красивый, рослый понравился хозяйке. Тем более, он был крещенным евреем. И так поженились. Он был доволен женитьбой и она нашла человека, который хорошо знал коммерческое дело. В целях снижения расходов по аренде помещения, хозяин торговлю перевел вниз жилого дома, где жили сами. Каждое утро к открытию магазина приходил сам. Пряничное производство велось по прежнему.

Воскресенье, как всегда, все трое пошли на главную улицу. В это время местная буржуазия вместе с руководителями Городской управы шли с портретами Керенского, Брешко-Брешковской и через каждые 15–20 метров выкрикивали хвалебствия в адрес руководителей эссеровской партии.

Несколько раз выкрикивали. Да, здравствует учредительное собрание!

Такая демонстрация прошла от Городской Управы до улицы Галицинской /ныне Первомайской/. Среди буржуазии, много было местной интеллигенции, эс-эров, меньшевиков. Все они шли под одним флагом и одними лозунгами.

Недалеко от демонстрантов по тротуарам в толпе шли эти мальчики — Володя, Степан и Марасан когда заметили хозяина, то совсем отстали от толпы.

Когда развернулась компания отдать свои голоса с призывами на специальных плакатах.: «Голосуйте за описок К2 б», К2 8». Таких призывов было от всех политических партий.

Старых приказчиков интересовало — за какой список им голосовать?

Избрав удобное время и настроение, один из приказчиков — Петр Иванович задал вопрос — за кого-же Вы отдадите свой голос,

Михаил Соломонович? Я буду голосовать за партию кадетов. Эта партия защищает интересы буржуазии. Ну, а нам

приказчикам?

На этот вопрос хозяин ничего не ответил. Помолчав и как буд-то вспомнил, сказал присутствующим: Знаете, мой брат большевик.

Он будет голосовать за список 112 5 за партию, которой руководит

Ленин. В ходе ожесточенной борьбы с белогвардейщиной, как потом было установлено, что брат хозяина Шейнкман Яков Соломонович был убит. В честь его имени одна из улиц г. Свердловска названа ул. Шейнкмана. Он был большевиком и командиром.

Аркадий Иванов
Из далёкого прошлого

Иванов Аркадий Александрович (1896 — после 1962).

Переплётчик, зав. переплётным цехом тюменской Типографии № 1. Работал в полиграфической отрасли всю жизнь — с 1908 г., когда устроился газетчиком в «Сибирскую торговую газету». Участник трёх войн — 1-й и 2-й мировых, а также Гражданской. Во время создания мемуарных записок (1959–1962) — пенсионер, кукурузовод-любитель, почётный пионер.

Хиромантия

Есть еще и сейчас люди молодые и старые которые верят разного рода проходимцам гадателям и гадалкам. В далеком прошлом в дореволюционный период это занятие было в России популярно. И разрешалось полицией. Это еще один вид околпачивания и одурманивания наивных людей.

Вот один эпизод из прошлого не лишен интереса. По Полицейской улице, ныне Тургенева, где разбит в настоящее время сквер, что напротив Сада Пионеров, стоит на углу домик. В этом домике было совершено убийство хироманта в 1906 году. Было около четыр[ёх] часов вечера мальчишки с перекинутыми через плечо деревянными коньками на железном ходу весело шагали на каток, что был расположен в то время в гилевском саду, так назывался в то время сад пионеров. Остановившись возле домика стал читать афишу. Гадаю по линиям рук. Угадываю чужие мысли предсказываю настоящее прошедшее будущее каждому человеку плата за сеанс 25 копеек. Неожиданно из дверей выбежал мужчина лет сорока с большим кинжалом в руке и бросился бежать по направлению к Царской улице ныне республики. Заметил полицейский. Свисток выстрел в воздух и человек остановился. 2 полицейских конных и к месту происшествия. Мальчишка как и все любопытные за полицейскими. При входе в помещение, представилась следующая картина. В комнате двое дам лежали в обмороке, третья сидящая перед зеркалом в кресле пришла в себя озираясь кругом как будто кого-то искала глазами. На полу лежал одетый в черный сюртук мужчина пожилых лет. Опрос свидетелей был на месте. Вот что они показали. Во время сеанса зашел человек и обратился к хироманту с таким вопросом. Вы отгадываете чужие мысли. Угадайте что я думаю в настоящую минуту. Хиромант не нашелся что ответить. Мужчина в одно мгновение кинжалом в грудь убил хироманта.

На следствии признавался что это одна из жертв ради любопытства. Действительно ли он мог угадывать чужие мысли. Для нас профессиональных грабителей и убийц он был опасным человеком. Вот и такие бывают клиенты у шарлатанов гадалок и хиромантов. Это было давно и сущая правда. Иванов.

Уважаемая Нина *Абрамян*

Вы просите рассказать о подвигах людей из армейской жизни. Мне нет необходимости не преувеличивать не преуменьшивать значение подвигов и на этот счёт имею особое мнение — жизнь каждого человека это подвиг. Подвиг рождается в характере человека. Присмотритесь к детям к их характеру поведению шалостям и играм откройте их душу загляните в неё и вы увидите на что он способен. В наше старое время не было спорта и физкультуры. А психология молодых людей была петушиная. Вы посмотрите петухи дерутся друг с другом и почему они дерутся, охраняют своих кур. Подобны петухам были и парни и девки, На славе был у нас в Сибири тот парень, о котором как говорили не пропадёт девка с этим парнем. Почему не пропадёт. Потому что характеры были равны — если парень вынимает нож со своей стороны, то девка со своей. Дружили. Парень девушку обидеть боялся а убить ничего не стоило, мысли выражали откровенно и честью дорожили, выше чем сейчас. Мне кажется, что сейчас девушка доступнее, чем раньше. А раньше девушка была не приступна. Были обычаи кулачные бои собирались до трёхсот четырёхсот человек, и шли с кулаками друг на друга. Обычай варварский однако обычай и даже при царском самодержавии. Вернёмся к девушкам. После боя девушки ухаживают за парнями — растирая медными пятаками синяки с лица своих ухажёров. Укоризненно говоря — что это ты потдался, что это тебе фонарей наставили. И теперь тебе не бывать в нашем районе ребятишки дерьмом забросают. А подружки подсмеивались а мой то видала как Митьку или Ваньку с ног сбивал и без фонарей пришёл она была горда своим другом и ей не надо было стирать синяки с его лица. И отдавая ему его наряд, она гордо проходила зная что её герой является грозой, что *Аркашка — Стрикулист* такой, что его можно видеть везде и даже в своём районе. А были и такие характеры, что Варька-Колбаса отрубила своему любовнику голову топором. К сожалению и теперь среди нашей молодёжи есть случаи убийства из ревности. Вот уж я чего не ожидал, что это будет при нашем строе на старости лет. Сейчас слово пожар не вызывает чувства тревоги. Молча проходят мимо машины, окрашенные в красный цвет, раньше было не так — со всего города мчалась молодёжь во все концы города тушить пожар. Горело двух этажное здание по Ишимской улице дом *Халито* заскочив в верхний этаж здания, где с одной стороны рухнула горевшая крыша и над комнатой где находился парень грозила

падением вторая половина. Парень стоял и разглядывал спокойно фотографии, висевшие на стене. После того, как вещи были выброшены в окна. Выход был один броситься в горящее окно. Закрыв лицо пожарным шлемом, вспыхнул пламенем. Факел горящего человека был пойман сеткой со второго этажа другого здания и залид водой. И это подвигом не считалось, обстановка, обстоятельства создали подвиг. 1915 год. Война. Прощай, молодость. Вы не плачьте мать отец нас погонят как овец. Щёголь в кавалерии, лодырь в артилерии, пьяница во флоте, а дурак в пехоте царице полей. Если в 1911 году *Сашка-Шпилька* во время солдатчины гуляя как рекрут откусил конному полицейскому нос и выплюнул, то Колька Петушок вместо чучела заколол штыком унтер — офицера. А *Аркашка — Стрикулист* отказался чистить сапоги фельдфебелю и бросил в его рыжую бороду сапоги, и, простояв восемь часов под ружьём, был отправлен на фронт. Так началась Война.

Неугомонный

Аркашка стрекулист получил право называться по имени отчеству и по фамилии. Это уже его победа. И кажется последняя. Аркашка прожил большую и интересную жизнь, полную унижений, лишений и оскорблений. Остался без отца в пятилетнем возрасте, имея семью мать сестру и брата без средств. Сдала мать дом в аренду двум братьям *Шпилькиным* Александру и Василью одному водовозу и другому извозчику. Не любили братья выпивать, не любили и за квартиру платить. По соседству была Архангельская церковь приходская школа. Поступила мать туда сторожихой. Много классных комнат ежедневно убирала она за 3 рубля в месяц. Злющая была попадья, не верила в нужду и когда мать болела и жаловалась со слезами матушке попадье. Не отвечала. Если ты Евлалия больше плачешь то меньше ссышь. А ведь воспитывали детей почитать попов и их служителей бога а попадью чуть считать не богородицей. Таков был поп *Добромыслов* отец Василий, его жена и дочери Агриппина Яковлевна и Мария Яковлевна. И как не странно в этой семье вырос и воспитывался ныне прославленный капитан парохода Сухотин он же *Лепехин* командир Северных партизанских отрядов. Подробностей я о нём не знаю, но что он имел какое-то отношение к семье добромысловых это точно. Живя в такой среде я окончательно потерял веру во всё святое и в особенности в попов, я их просто ненавидел по двум причинам, во-первых, что они не верят бедным, во вторых что вынимают последнюю копейку. Если пару белья мать стирала за 5 копеек своим мылом, то попы с готовым мылом платили 3 копейки да ещё просили чтобы возвращали остатки. В 1905 году поступили в Николаевское 3 классное училище учился хорошо и только отставал по закону божьему, но на выпускных даже по закону божьему взял на пятёрку и кончил с похвальным листом. Учителя предлагали матери продолжить моё обучение обещали помочь да так и не смогли. И в 1908 году поступил на чугунно-литейный завод *Машарова* Николая Дмитриевича. Работа у мастера за 10 копеек в день чугунки чистить, на десять часов в день. На такой работе больше одежды разорвёшь, чем заработаешь и перешёл в типографию Крылова, где печаталась «Сибирская Торговая газета». И вот я разносчик газет по подписчикам 71 подписчик в разных частях города кто они эти читатели пароходовладельцы и их помощники капитаны пароходов торговцы разными товарами учителя попы хозяева домов терпимости исправники жандармы

околоточные надзиратели. Только нерабочие. Хозяин *Крылов* Александр Александрович бедный чиновник губернского управления в г. Тобольске приглянулся купчихе *Шестаковой* Надежде Андреевне и женился по расчёту получив приданое на которое можно было приобрести даже типографию. Кстати один из его приятелей *Авдюшин* Иван Иванович которого мы называли Плешивый за большую плешь на голове обладал знаниями наборного дела. Был наборщик. Приехав в Тюмень они организовали типографию по Большой Раз'ездной улице

а позднее расширили и переехали на Томскую ныне Осипенко. Вот сюда в подвал этого дома и привела меня мамаша отдать в обучение типографскому делу.

Типография называлась почему-то Электро-типография А.А. *Крылова,* а электричества и в помине не было. Работа основных рабочих продолжалась 9 часов с 8 до 1 часа, перерыв на обед с 1 до 3, и с 3 до 7 вечера. Зарплата или жалованье в месяц от 3 до 25 рублей. Разносчики работают по совместительству с 3 утра до 9-10 вечера. Для того чтобы убедиться возьмите для сравнения настоящее время посмотрите на мальчика или девочку в одиннадцать лет и подумайте как может такой ребёнок жить самостоятельной жизнью если его мамаша в этом возрасте ещё провожает и встречает из школы. Это теперь? А Раньше? Этот мальчик знал весь город все переулки и закоулочки все кабаки и бардаки и даже шантаны. Имя его было уличный мальчишка, прозвище «Кули» или стрекулист ему ничего не стоило схватить в лавке яблоко или горсть пряников конфект. И всё то, что его соблазняло. Что он читал. То, что вызывало интерес что попадало под руку сыщиков НатПинкертонов и Шерлоков Холмсов. А кем он хотел быть трудно сказать или Шерлоком или Пинкертоном или Петерсонским поджигателем. Были и воскресные школы, были и благотворительные общества, были и детские приюты и ночлежные дома для бродяг и Богадельни для престарелых. Всё это было известно мальчику в одиннадцать лет. Его пытливый и наблюдательный ум и обстоятельства жизни связывали его с этим миром.

Ещё о проститутках

Ранним утром каждого дня в мороз или жару ветер или вьюгу, Ватага ребятишек оборванных или одетых сытых или голодных вваливалась в типографию наполняя шумом цеха. Начинался трудовой день кто разбирает шрифт по кассам кто подметает. А мальчишки газетчики готовят к разноске газету. Шесть часов утра и из типографии выскакивают как оголтелые ребята. И разбегаются в разные концы города. Крича как бы в шутку: «Газета Ермак — кто читает тот дурак! Вестник Западной Сибири! Сибирская торговая газета!» Три копейки хозяину две себе. На мою долю выпал участок пристань тычковка потаскуй сараи городище затюменка — такие названия носили улицы нашего города. И особенно запомнилась улица Новая как её тогда называли. На этой улице были сплошь и рядом дома терпимости а хозяева *Цивинский Обогрелов Ранчь Машенька* были знакомы, всем мотам купцам жуликам приставам околоточным надзирателям полицейским и разной дряни. Бежит газетчик ежась от стужи вертится как вихорь [подставляя] свои бока под удары холодного ветра немеют руки мерзнут ноги а он бежит из дома в дом разнося газеты. Вот открывается дверь с красным фонарём. Среди разбитой посуды и опорожненных бутылок вина и пива растянувшись в кресле полулежит жирный как свинья купец. Он откупил этот вечер один и все должны служить только ему он сдесь сегодня хозяин что хочет то и делает он всех купил. И этих молодых девушек что лежат обнажёнными под его ногами после пьяной оргии которая длилась целую ночь. Пол усыпан шелухой семечек и орехов и в лужах пролитого вина растрёпанные лежат они в разных позах. Они продавшие свою совесть и тело этому паразиту. Вот школа для малолетних детей того времени. И так изо дня в день из года в год.

Ледяной дом. Разсказ

Стоит этот дом по Самарской улице в городе Тюмени. Трудно сказать кто и когда его строил кто был его первым хозяином. Старожилы говорят что в нем жил когда то изобретатель. Изобретал неизвестно какую машину. Под полом этого дома и сейчас находится глубокая яма в которую проваливается дом. Так вот стоит этот дом покосившись на левую сторону и как человек с искривленным лицом похожим на гриммассу дразнит прохожих. Как бы говоря люди это вы меня таким сделали. Мои бока поранены вы их не подлечили глаза мои окна покрыты снегом как бельмами и я застываю от мороза вы меня не греете а ведь когда то я согревал вас укрывал вас когда вам грозила беда. А теперь я забытый стою и жду когда меня похоронят. На улице завывает метель ветер завывает в трубе стоном, раздается его вой в квартире. Стены квартиры покрыты инеем и снегом сырые дрова как змеи шипят в камине и только огонь напоминает что где то в другой квартире живут люди в теплой натопленной комнате и наслаждаются домашним уютом. Сдесь же прижавшись друг к другу плечем сидят два существа одетые в зимнее пальто и протянув руки к огню взывают. Огонь! Огонь почему ты такой холодный что мы замерзнем чашка с едой стоящая на камине чуть теплая и достаточно отойти от камина на шаг как содержимое покрывается льдом. Длинна зимняя ночь особенно для стариков. Ведь их сон не продолжителен всего 4, 6 часов а при таких условиях и совсем нет сна.

Почему все это так случилось что и дом обижается и люди страдают. У каждого человека есть прошлое настоящее и будущее. Прошлое это жизнь полная мучительных переживаний. Основное зло это война и нищета. Раньше отец считался главой семьи на его обязанности были забота о благополучии семьи. Но условия при царском самодержавии были таковы что у бедных людей жизнь была непродолжительной от постоянного труда и жестокой эксплуатации они преждевременно старились и умирали. Мой отец будучи грузчиком умер в возрасте сорока трех лет. Но прежде чем умереть он долго страдал от болезни будучи психически больным. В нашей советской литературе не принято показывать такие образы и причины порождающие их и сумасшедшими считаем тех кто еще и теперь думает о войне а о войне думают капиталисты. Может этот пример и не убедителен с моим примером. Но в этом есть здравый смысл. Отец был жертвой капиталистического строй строя эксплуататоров. В 1901

году отец умер вернее не умер а его отравили. Болезнь наступила в 1898 году будучи человеком большой силы он носил на себе груз до 25 пудов. И вот однажды спуская в трюм баржи этот груз он оступился но груз удержал на своих плечах. Однако от того что он потерял равновесие у него получился перелом позвоночника, и как следствие нарушение центральной нервной системы. А раз больной то уже хозяину больше не нужен придя домой в свою семью он видел своих малых детей а их было трое что делать работать не может а семью кормить надо. Пошел искать службу или работу. Будучи не православным а выкрестом он был самоед по национал[ьности] теперь не знаю как их именуют он поступил трапезником в церкву не зная церковных порядков. Он вошол вместе с попом в царские врата или как их называли святая святых в алтарь божий. Это по православному называется кощунством и его выгнали из церкви. Что было делать, ведь дети ест хотят а матери работать нельзя кто знает что он может наделать в больницу не принимали платить надо а платить нечем. Израсходовали все до последней юбки так говорила мать началась голодовка Отец пошол воровать. Но… ведь и воровать надо уметь. Однажды он зашел в дом купца *Мясникова*. На веранде дома была ладка с вареньем (ладка это гончарная посуда), так вот эту ладку с вареньем он стащил а в другом месте он стащил пирог с груздями. Замечен не был. И к нашему счастью голодных детей он все это принес домой поставил перед нами и сказал ещте ребята как голодные волки набросились мы на это варенье и с груздевыми пирогами стали жрать. Каково же было удивление матери когда она придя увидела эту картину. Она отобрала варенье спросив у мужа Саша где это ты взял и зачем он сказал у купца у их там еще остались ладки. Мать пошла и отнесла варенье хозяевам и они не побрезговали и взяли выругав мать. Отец любил животных. Однажды произошол такой случай. У торговца *Мартынова* отец утащил брюшину это такой сорт мяса которым раньше кормили собак. Хозяин заметил и исхлестав плетью в кровь отца он бил его почему попало даже по лицу отобрал брюшину и не донес собачке.

Без борьбы нет жизни

В какой бы семье человек не родился он всегда начинает со слез. И мать принимая это маленькое существо старается утешить и он улыбается. Своими маленькими ручонками он ловит воздух, а косолапинькие ношки делают произвольные движения. Так было с каждым человеком. По разному складывается жизнь человека. Она складывается из времени обстановки социальных условий и родительской [нрзб.] Иванов родился тогда когда люди его класса не были людьми, а были вещью которую можно сломать. Или как говорят в народе веревки вить. Отец без отца и мать без матери. И если у власть имущих есть какая то родословная и знатный род то у моих родителей его нет. Отец из тундры мать из города. Отец грузчик мать ремесленница дед по матери сапожник — [нрзб.] 1901 год отец надрывается от непосильной работы и сходит с ума живет с матерью не умирает. И если умирает то очень медленно мозг разрушен а тело живет иногда приходит в сознание плачет и идет на работу — на работу не принимают безумных, ворует, что ворует галоши детские из прихожей или передней варенье только что сваренное и выставленное остыть и даже пироги у зазевавшихся хозяек и даже брюшину для собачки франтика все это несет домой и отдает своим бедным ребятишкам, бывает и так — попадет на краже хозяева отберут краденое продовольствие изобьют в кровь и обезумевший отец избитый приходит домой. Мать бросается на отца со слезами и вся семья окружив отца с матерью плачет и проклинает свою судьбу. Обмывает отца слезами и водой водворяет в комнату. [В концах?] комнаты железные скобы продевает сквозь скобы оглоблю и не выпускает отца. По рублю за прием брали доктора и не вылечили когда все было продано и мать осталась в последней юбке и кофте и дети голодали, а мать боялась пойти на работу от больного отца. Сжалились и купец *Текутьев* городской голова определил отца в сумасшедший дом. Мать пошла на работу. Отец будучи физическим сильным выломал в больнице железные решотки и прибежал домой в белом сумашедшем халате с длинными рукавами, схватил сечку которой рубят мясо и нанес несколько не смертельных ран так повторялось два раза два побега. Жутко жалко было видеть как на отца набрасывали аркан петлю из веревок и как вязали и бросали в телегу что бы снова водворить в сумашедший дом. А после в скором времени его отравили в сумасшедшей больнице ведь он был всего только что рабочий, так началось мое детство. В 1913

году убили брата в ремесленном училище случайно из самодельного пистолета. Одиннадцать лет и окончена 3х класная школа четыре арифметических действия чтение русский язык вот и вся грамота. На работу куда на чугунно-литейный завод *Машарова* чугунки чистить. У мастера в подмастерьях 10 копеек в день без спецодежды в лохмотьях полуголодный когда то мать придет и в фартуке принесет объедки с барского стола а передник в котором она стирала белье пропитан мылом и куски пахнут грязным бельем а дома опять стирка белья и пар и запах в душной комнате с керосиновой семилинейной лампой до половины ночи а на утро каторжный труд на хозяина. И пришла мне в голову мысль искать брата отца на севере в 1911 году сбежал из родительского дома на север смутно представляя что где то по рассказам матери есть брат у отца не русский но все же родственник где ездят на оленях и едят сырую рыбу романтика по настоящему времени а в прошлом холод и голод. Забрался незаметно в трюм парахода «Тоболяк» и… уехал параход ходил до Тобольска месяц был август. В Тобольске вышел на берег без паспорта и вида на жительство по голодал дня два а потом стал присматриватся к грузам к грузчикам нашел сверстников разгружали бакалею пороли мешки ломали ящики питались нашел работу у купца *Копотилова* ел с одной чашки с дворником он же кучер грузчик а я за приказчика и за няньку. Щи ели из одной чашки горячие а горячие я не мог кушать он две три лошки в рот а я одну все дую чтоб остыли посмотришь — в чашке щей уж нет а он посмеивается, так голодным и вылазил из за стола а в лавке какой нибудь покупатель наберет муки побольше и грузи а силенки нету надрываешься и несешь. В воскресенье выйду на берег Иртыша, а Иртыш широкий и смотрю где солнце садится вспоминая родную мать и город родной спрашиваю у людей а где это север какие туда идут параходы — туда скоро перестанут ходить, скоро Иртыш ставать будет. Что делать надо пробираться обратно в Тюмень. И вот однажды иду к пристани по длинным мостам и вижу в щёлке краснеет, поднял, какое счастье десять рублей это для меня было целым состоянием пришёл к хозяину а сам думаю как бы сбежать. Пришёл параход «Тоболяк» в последний рейс река покрывалась серебристым мелким льдом. Билет за рубль пятьдесят коп. прыжок на параход да здравствует Тюмень. Мать чрезвычайно рада была моему возвращению.

Легковой извозчик [или] Лошадиное такси

Биржа легковых и ломовых извозчиков это вид городского транспорта времен 1905–1914 г. В зимнее и летнее время к услугам жителей г. Тюмени были ломовые и легковые извозчики для современников это частные лица занимающиеся извозным промыслом. Ломовой извозчик это на добротной лошади запряженной в большие сани или телегу стоял на базарной площади и предлагал свои услуги для перевозки багажа. Особенно их было много на пристани и вокзале. Перевозили пассажиров прибывающих со своими товарами для торговли из других городов и внутри города жильцов переезжающих с квартиры на квартиру со своим домашним скарбом. Ломовой извозчик дородный мужщина. В фартуке из кожи или рядна в кожаных рукавицах разгружал и нагружал вещи и доставлял по адресу. В настоящее время их заменяют автомашины.

Легковой извозчик который побогаче имел рысака и лихо мог прокатить по улице желающих в пролетке начищенной до блеска в фаэтоне на рессорах в крытом в случае дождя раздвигающемся кожухе, а который победнее в коробке без роскоши тарахтел на своей кляче по городу по булыжным мостовым, отвозя за пятачек подгулявших пьяниц из кабаков. В зимнее время в санках обитых сукном а у некоторых бархатом или плюшем с медвежьим одеялом или бархатным с сеткой красивого цвета которая служила украшением лошади. Они стояли в очередь на бирже и поджидали пассажиров. Биржи находились возле банков вокзала пристаней и в более людных местах. Хозяева извозчики были… [последний лист утрачен]

В редакцию газеты «Тюменская правда»

Ознакомившись с документом Донесения помощника начальника Тобольского губернского жандармского Управления в Тюменском уезде начальнику пермского губернского управления в распространении газеты «Тюменский рабочий» от 6 го октября 1908 года привожу дословно текст этого донесения

«Газета «Тюменский рабочий» в количестве 3х экземпляров и среднего листа с «хроникой» той же газеты были переданы мне лично командиром Тобольского полка полковником *Полянским* в присутствии моего начальника управления, при этом полковник Полянский заявил, что газеты были найдены в походной кухне, которая стояла в сарае при казарме Тобольского полка, куда, по-видимому, они были подброшены. Два экземпляра этой газеты мною были представлены начальнику управления — один для него, другой для представления в департамент полиции. Затем один экземпляр представлен вашему высокоблагородию, а «хронику» я оставил у себя кроме того в полиции были три экземпляра названной газеты, из коих один был представлен тобольскому губернатору, один оставлен для сведения при полиции, и один в распоряжение передан судебному следователю, так как был найден при обыске у одного из грабителей артельщика *Маргунова*, именно у рабочего машаровского завода, Петра *Мартемьянова*. Таким образом, лишних номеров «Тюменского рабочего» ни у меня ни у полиции не имеется, во всяком случае эта газета, очевидно, между рабочими имела распространение, что заключено из того, что при допросе мною одного машаровского рабочего в качестве свидетеля по делу в охранном порядке о «Тюменской организации С. Р.» этот рабочий мне сознался что он и другие его товарищи читали названную газету, а на мой вопрос где этот номер находится ответил незнанием. Кроме того, мне случайно удалось узнать что один обыватель в Заречной части нашел один № названной газеты и по прочтении сжег его. О вышеизложенном доношу Ротмистр *Поляков*»

Мне по этому делу известно следующее. 3-го сентября 1908 года если мне не изменяет память я был свидетелем следующего события. Часов около одиннадцати дня после разноски газет я прогуливался в Тюменском логу где протекает речка Тюменка. С

горы так называемой Сенат[?] прыгали три человека двух я хорошо запомнил их одежду один в коричневом длинном пальто другой в черной драповой тужурке оба в сапогах третьего одежду не запомнил. Тропинка была узкой и они меня столкнули в воду у того что в тужурке из кармана торчала знакомая мне красная веревка и рукоятка с коньчиком от револьвера и они бежали гуськом друг за другом вдоль речки по направлению на большое городище где на краю к логу ныне улица Комунна стоял большой красный чан для воды от пожара а на углу жил водовоз *Быков*. Городище тогда было мало застроено недалеко был лесок. Вылез я из воды весь в глине поднялся на горку. А Васька *Духовской* сын мясоторговца на своем скакуне у них лошади бегали на ипподроме с большим кнутом кричит где тут разбойники пробежали по видимому намеревался задержать да и раздумав поехал шагом домой. Восвояси. На углу у *Железнова* жил портной услышав слово разбойники вылез стремглав по окну со второго этажа кубарем скатился с горы в то время когда разбойники уже по дорожке подымались на другую сторону лога к красному чану. Портной бежал разбойники подымались. Решили передохнуть с этой стороны лога их было видно. А портной все бежал и бежал. Разбойники скрылся а с ними и портной. Через некоторое время появились в этом месте возле лога солдаты конвойной команды они не спешили немного повертевшись они отправились обратно. А я стоял на углу и ждал когда и с чем вернется портной. Уставший спотевший портной появился. И вот что он рассказал я их преследовал до самого леса когда они забежали в лес остановились и увидев меня засмеялись. И сказали? Что тебе жить надоело? И вынув из кармана револьвер погрозили мне я онемел от ужаса повернулся и бежать под их общий хохот. Так безславно закончилась погоня за экспроприаторами.

Ограбление продавца Ренского погреба братьев *Поклевских Козелл*

В октябре 1908 года это через месяц после первого ограбления железнодорожного артельщика *Моргунова*, продавца этого погреба *Ростовцева*, по делу которого меня вызывали к мировому судье *Крысенко* что также есть в документах музея в г. Тюмени. Театральный сезон в 1908 году в театре *Текутьева* Андрея Ивановича Городского головы начинался с 1 го октября. Это был большой для города Тюмени театр с ложами Бенуара, Бельэтажа, партера, купонов, балкона, и нашей галерки откуда мы мальчишки опускали на головы публики не доеденные пирожки в особенности лысых в партер, кололи булавками девочек в общем шалили, были большими любителями театра а когда подрастали влюблялись на растояние от галерки до сцены в намазанных актрис, я например был влюблен в героиню *Кулебко-Карецкую* и плакал над постановками «Двух сироток». Смотрел и фарсы где дело доходило до спален. На нас закон дети до 16 лет не распространялся мы были безнадзорные проходили в театры вернее пролазили особенно в кином между ног у публики и смотрели картины. Когда места все были заняты из под скамеек. Будучи доверенным лицом от хозяина *Крылова Александра Александровича я* пользовался некоторой привилегией мне давали контромарку для входа на одну персону на галерку за то что приносил программы и афиши. И вот однажды часов около семи вечера я нес афиши и программы в театр напротив театра по улице Иркутской теперь Челюскинцев. Со стороны бульвара где сейчас построен дворец Пионеров а тогда был пустырь с березовой рощей где паслись коровы. Услышал стрельбу, показалось что стреляют на бульваре сунув в окошко театра программы и афиши я бросился к Спасской церкви теперь библиотека и зашагал вдоль улицы, поровнявшись с Ренсковым погребом где сейчас был Тюменьпроэкт. Увидел выбежавших из погреба по настоящему винного магазина трех человек в масках которые выстрелили не то в меня не то в стоящий напротив магазина фонарь и я от страха упал тогда я был мальчишка Меня подобрал околоточный надзиратель и стражник полицейский повели в магазин собралась толпа любопытных. Я говорил одно там в погребе? Что же мы увидали за прилавком ходил продавец зажав колено ноги…[последний лист утрачен]

Законодатели мод

Недавно [?] в газете заметку о стилягах и о вкусах одеваться по вкусу. Это вопрос очень интересный и имеет свою историю. На этот счет много существует поговорок. Вот одна из них. По одежке протягивай ношки. В дореволюционное время молодежь претендовала тоже на моду. И моду была такова, сапоги лаковые считались в большой моде, брюки узкие за голенище касторовые, рубашка шелковая и серебряный кавказкий пояс. Фуражка со светлым козырьком и плисовым околышем и чуб. Если б современный стиляга увидел такого парня он бы его посчитал за такого же парня. Как автор письма о стилягах и хорошем вкусе пишет: однако никого из [?] не возмущает тот факт, что в нашем городе еще не перевелись парни с челками и чубами падающими на глаза, одетые в пиджаки, из под которых виднеется майка безрукавка, или тельняшка с брюками заправленными в сапоги гармошкой. Что имел ввиду автор я не знаю. Что ему не понравилось в этой одежде. И мне вспомнилось мое прошлое мне было тогда 18 лет, а рабочего стажа я уже имел 7 лет, а рабочий стаж теперь является гордостью советского молодого человека. Царское самодержавие не заботилось о рабочем человеке о его воспитании во всех отношениях

И он был представлен самому себе и окружающей его молодого рабочего среде многие из рабочих из молодых даже не знали фамилии одного и другого а были клички [Афонька Культяпый?] Митька Чугунный Ванька Сало и другие. Однако эти, Ваньки и Афоньки были хорошие ребята, дружные между собой, дорожившие дружбой товарищества. А пример они брали в одежде с тех с кем они работали на фабрике или заводе рабочих. Другое дело подчеркиваю того времени интелегенция.

Это костюм сшитый по последней моде взятый из журнала мод а кто сам интелегент про которого говорили Лягавый. Это сын торговца чиновника пристава исправника попа и другой швали только не рабочего человека. Вот один факт: факт об истории одежды и вкуса. А вот другой факт.

В редакцию газеты «Тюменская правда»

Дорогие товарищи заканчивается 1961 год, который ознаменовался выдающимися событиями человек в космосе двадцать второй съезд партии Сессии Верховного Совета Союза ССР и Р.С.Ф.С.Р. принятие закона об утверждении Основ гражданского законодательства. Советский человек имеет два имени два назначения гражданин и товарищь. Когда вы нарушаете общественный порядок и правила социалистического общежития вы сразу переводитесь морально в гражданина, а когда вы у общества на почете вы товарищь.[…] Для сравнения хочу привести примеры для того что бы отличить белое от черного. Вы вероятно обратили внимание что сравнивается рост экономики и производство стали чугуна электроэнергии и других видов говорят производство увеличилось против 1913 года в двадцать раз в тринадцать раз и что созданы целые социалистические города и много еще всего такого которое никогда бы при Царском самодержавии не было сделано. г. Тюмень пересыльная всех неугодных царскому самодержавию людей. Город церквей кабаков и бардаков. 1913 год это год изобилия и дешевизны. И все таки для рабочего мало утешительного. Его этого рабочего жмет хозяин эксплуатирует работа по 12-14-10-9 часов время не регламентируется законом. Условия хозяйские им санитария им безопасность не предусмотрены законом труд не гарантирован хочешь работать соглашайся на любые условия не хочешь как хочешь уходи ищи другое место. Я по профессии переплетчик а что это значит в прошлом босяк — большинство этой профессии люди кочующие бессемейные бездомные бродяги из ночлежки. Вот некоторые из них. Павел Васильевичь *Кривошеин* небольшого роста толстенький как шарик косолапый синий побагровевший нос от чрезмерно большого употребления вина рыжая окладистая борода голова покрытая копной рыжих волос вечно невыспавшийся переходящий от одного хозяина к другому страдающий запоем в грязной

черной по цвету и от грязи рубахе в опорках на босую ногу летом от сапог, зимой от валенок вваливается на работу еле держась на ногах и поет. Клубок катится нитка тянется клубок дале дале нитка доля доля клубок катится и еле выговаривая слова. Показывает пальцем в рот, дайте мол еще выпить что

нибудь, и его приятель лезет в шкаф достает бутылку с шерлаком. И начинается священнодействие шеллак наматывается на ватку в опущенную лучинку с ватой в бутылку отделяется от спирта и содержимое бутылки поступает в рот Павла Васильевича. После чего начинается беседа поцелуи и обьятия. Затем тело и голова засыпают рушатся с тубарета и усилиями друга прячутся под верстак забрасываются бумагой обрезками. Человек замирает до утра. Проспавшись утром и опохмелившись принимается за работу и работает до тех пор пока не надоест днем и ночью. Хозяин знает что этот на все способен может сбежать каждую минуту денег за работу не выдает надо ждать две недели а деньги пропиты. Что делать выход найден стоять к церкви протягивать руку и просить подаяние ради господа бога и Исуса Христа собрать несколько копеек и пойти в казенку купить вина и закуски переночевать в ночлежке и снова на работу. Вот что такое человек прошлого, переплетчик.

О людях свободных профессий

Писатели, художники, скульпторы, изобретатели и даже фотографы. Их никто не осуждает даже поощряет. Работай сколько хочешь получай сколько хочешь. Труд писателей хорошо оплачивается. Такие как Шолохов Маяковский их издания переиздаются по нескольку раз. Они имеют монополию на свои произведения и на текущем счёте миллионы.

В моей трудовой книжке записано 13 лет дореволюционного стажа подтверждённого документами. Это значит когда не было права на труд и образование и отдых. И слово свобода было призрачным понятием, однако и тогда были люди свободомыслящие и в самой беспросветной тьме находили себе радость кто как понимал.

Работа по найму бесплатно для обучения и помесячно на хозяина при любых условиях. По принципу хочешь работай хочешь уходи. По обыкновению работали такие работяги с осени до весны. Когда солнышко стало подниматься высоко и пригревать и коровушки подставили бока к солнцу и жмурясь мерно пожёвывали свою вечную жвачку. Паша [*Кривошеин]* начинал грустить и лицо его становилось скучающим по свободе он рассуждал. Ну вот и дождались красного солнышка ухожу я от вас ребята. Пойду путешевствовать. Получит получку и нет паши а где паша а паша у казёнки так назывались кабаки. А по культурному винные лавки. Двери у винных лавок были окрашены в красный цвет и обиты железом для того, чтобы не видно было что о них вытирался сургуч от запечатанных мерзавчиков косушек шкаликов с водкой. Купит шкалик с водкой об дверь сотрёт сургучь ударит по донышку пробка вылетит и как астроном наблюдает звёзды так Паша запрокинув кверху бутылку с водкой наблюдает небо в ясный день, Сдаёт посудку, добавляет копейки и снова наблюдает небо. И так к вечеру ему снятся приятные сновидения. Когда пить больше не на что идёт в ночлежку. Там в ночлежке живёт один два дня и отправляется из города в далёкое путешествие в другой город.

Уважаемый заведывающий отделом писем редакции газеты «Советская культура»

3го сентября 1960 года № 5905. Вы мне писали о чем бы я мог написать. Что интересовало бы широкие читательские круги.

Уважаемый товарищь *Потапов* как и во всякой редакции есть отдел писем трудящихся Есть он и у нас в газете «Тюменская правда». Не знаю почему но часто сменяются завотделами. Некоторые из работников думают что если читатель пишет Значит хочет быть напечатанным. Это в действительности не так. Я например пишу во все центральные газеты и не потому что хочу быть напечатанным а потому что я знаю что редакционный аппарат редакций этих газет куда квалифицированней чем местных это первое. Второе местные газеты не всегда любят публиковать острые критические замечания в адрес руководящих учреждений. Редакция газеты «Советская культура» орган Министерства культуры. Иванов хотя и не культурный человек. У него три класса Церковно-приходской школы. И говорит он знает только русско-славянский язык а родной хантейский не знает потому что отец не научил рано умер в 43 годы грузчик а мать батрачка

И только при Советской власти Иванов стал человеком. И пишет во все центральные газеты, И они любезно отвечают на его письма. Это как будто просто, но это не просто. В капиталистических странах не напишет рабочий в центральный орган письма. Когда моя мать была еще жива а я был маленький но помню, это было до революции она мне говорила Государь денег пришлет. По видимому она надеялась что учтя ее бедность Государь ей пришлёт денег. Но Государь не сжалился и денег не послал. И в 1921 году в декабре она лежала в поленнице трупов как дрова погибшей от тифа и голода. А что может быть дороже матери для человека. В тяжелых условиях проходила борьба за становление Советской власти. Об этом не все еще сказано. И хотелось бы помочь нашим читателям стать поближе к живым людям документам прошлого. Не в обиду будь сказано тем историкам которые пишут свои материалы на основании хранящихся в архивах документов и не верят в живого человека, для них бумажка это все нет бумажки нет человека. Иванов участник трех войн моя Вуз разведка. Это не романтика. Это не

погоня за славой. Это мой наш долг

Рабочего класса завоевывать свою свободу когда это нужно не пышными речами о победе а с оружием в руках, на известных этапах и при условиях. И мы это выполнили об этом написано и напечатано много книг. Вопрос о войне и мире еще стоит на повестке дня: об этом не надо забывать. Вот почему глаза и уши и верный прицел должны быть на страже. А пока работать надо. И как жаль что мы состарились. Наступил 1961 новый год с новым годом товарищи с новым счастьем и вас товарищь *Потапов* и ваших сотрудников. Я не знаю сколько зубов во рту у человека но у меня в этом году вырвали последние два зуба. И оказался я в таком состоянии в 65 лет как будто-бы только что родился. Говорят в народе так что ум то человека что у малого что у старого. А потом еще Умудренный житейским опытом. Мудрецы с седыми бородами философы и прочие волхвы которые не боятся могучих владык и княжеский дар им не нужен. Могучь и свободен их вещий язык и так далее. Я к этой категории не отношусь мое дело было всю жизнь книжки переплетать и читал я их с начала и с конца. Люблю и теперь это дело.

На счет Искусства вы говорите да ваша газета много печатает о театре и меньше о самодеятельности. За исключением того что смотры в Москве. А знаете ли вы что как то нехорошо писать о себе. На раз вас интересует Искусство, извольте. Была такая артистка в 1923 году фамилия ее *Куприянова* Клавдия Ивановна. Она руководила студией в городе Тюмени так она рассказывала что из театрального училища только четверо были приняты на государственную сцену в том числе и она. Муж ее Похитонов по фамилии так вот в этой студии я и учился шесть месяцев. Она мне говорила сколько вы зарабатываете в типографии 80 рублей говорю. А она говорит да вы с подносом на сцене выходить будете эти деньги заработаете. У вас такие способности. А *Уместный* Михаил Михалычь когда меня привели в музыкальное училище и поставили к роялю стали пробовать голос. Я брал одну октаву вторую октаву третью. Михаил Михайловичь и говорит Володе *Знаменскому* Если с этим парнем поработать у него будет диапазан три октавы. А Михаил Петровичь *Муравьев* наш земляк. Артист М.Х.А.Т. написал пьесу Двойники антиподы. Я у него в ней играл деньщика Быдленко.

Он так сделал оценку. В профессиональном театре у меня эту роль играл Михерев но такого образа как Иванов он не мог создать. В чём он сам признался.

Вы конечно слушали наш академический хор Тюмени. В этом хоре есть и наши типографские певцы. Неплохие. Пока их трое. Но будет в три раза больше. Но вот беда в типографии нет

красного уголка, а в театр по выходным не пускают. А ведь мы работники культуры. Артисту тоже нужно отдохнуть и как он отдыхает. Это видно из того, что ходит артист *Чернышов* хороший артист. Одевается с иголочки. Ходит он по городу. Сидит в скверах на лавочках и скверно чувствует себя. Потому что нет у него квартиры не дают. Хороший был артист я его знаю ещё до революции когда он работал в антрепризе у *Ковалёвой* вместе с *Мацким* Николаевичем когда я ещё был пацаном лет тринадцати. Смотрел пьесы всякие Хорошо сшитый фрак фиговый листок и две сиротки над которой плакал Ян Гус и Арвел Окоста. Тогда из любви к искусству забрался к любимой артистке в комнату под диван оттуда её горничная выволакивала меня мальчишку за длинные курчавые волосы обнаружив воришку сначала драли уши а когда узнавали что произошла роковая ошибка что я не воришка а доверенное лицо Крылова и что под диваном находятся афиши и программы на спектакль, принимали к себе ласкали давали копейки утирали слёзы душистым платком. Вручали контрамарку на одну персону на галёрку. И летели пирожки в партер на лысые головы пирожки с луком с перцем с собачьим сердцем с пылу с жару пятачок за пару. А после засыпал под лавкой на галёрке от удовольствия и получив утром подзатыльник от сторожа *Фрол*[а] и шёл домой отдыхать был день выходной воскресенье.

Вас интересует Новое а я пишу о далёком прошлом. Город Тюмень строится. В городе один театр на 150 тысяч жителей. Оперы нет. Клубы не проявляют особенной жизни. Четыре кино. Филармония на ремонте сроки просрочены. К нам в Тюмень заезжают разного жанра и вида искусства артисты постоянно зимой работает театр летом цирк. Недавно смотрел в театре пьесу «Любовь под черёмухой» не произвела никакого впечатления после Чехова смотреть.

Городской совет ветеранов организовал хор пенсионеров. Вы можете сказать Вот и прекрасно. Идите товарищ Иванов и пойте себе на здоровье и счастье людей. Услаждайте их слух и внимание. Пришёл я к ним на репетицию послушал. Но как поют и что поют. Вот вышла певица и руками не обхватить. И запела на квартиру к нам заехал командир. Хотел я ей сказать бабушка постыдилась бы внучка. Я чуть воздержался от хохота. Но из уважения к возрасту я ей… аплодировал и чуть не закричал бис! Бис.

С прошедшим днем праздника Рождества Христова

У православных христиан от которых идет ваше рождение и происхождение и Имя нареченное вам от церковного календаря с которым вы живете и любите в обращении называть по имени и отчеству, и свысока смотрите и делаете неприятное лицо когда вас называют по фамилии и говорят здравствуйте товарищь Иванов Петров Сидоров. Вы которые по любому поводу с предлогом и без предлога празднуете день своего рождения устраиваете поминки, Вы чьи мамаши и папаши крестите лоб садясь за стол а в обществе выдаете себя за безбожников. Обманываете себя и общество в котором вы живете.

7-го января Рождество Христово в газете «Тюменская правда» не отметила не одной строчкой по видимому нет дела газете что в этот день где то в деревне престольный праздник например в Гусевой иль Утешовой и накануне в сочельник не хватило вина и елея в Гусевском сельпо а скотники и доярки забыв про коров забыли подвести к фермам корма и не продоив как следует своих буренок спешили на праздник к родне недаром по деревням все Плехановы или Сазоновы. Да и в песне поется было у тещеньки семеро зятьев. А как это в жизни бывает с пьяными сперва целуются потом из за пустяков ругаются а дальше дерутся. Потом валяются опохмеляются. И снова начинается сказка про белого бычка. В общем по старинному обычаю. И по евангельскому учению.

Сказать чтоб газета о рождестве не печатала это было бы не справедливо печаталось и хотя реденько на атеистические темы печатается материал. Но объяснения явлений в природе показывают на основе научных трудов по книжному книжным языком. Книжный язык не всегда доходчив для всех людей люди по возрасту и образованию разные в особенности те которые верят в бога и нечистую силу да еще хулиганы.

Вы проходите мимо хулиганов считаете что это дело милиции нет это наше с вами дело общее. Я сам вышел из этой среды. И к сожалению сейчас наблюдаю такие факты какой то распоясавшийся пьяный хулиган кричит бога нет и наносит удар ножом в худшем случае и кулаком в лучшем случае. Спросите милицию сколько изписанных бритвой лиц. Вызвав на откровенный разговор одного пионера он мне рассказал, дерутся ребята заречные с сарайскими услышав это от двенадцатилетнего

мальчика я пришол в ужас откуда как проникло это в душу ребенка наше проклятое прошлое, о котором я старый человек и вспоминать бы не хотел.

Станислав Карнацевич
Очерки старой Тюмени

Карнацевич Станислав Иосифович (1891–1977).

Врач-педиатр, родился в Тюмени, окончил Казанский университет. Герой Великой Отечественной войны, орденоносец. Заслуженный врач РСФСР (1957 г.) Первый почётный гражданин Тюмени советского периода (15.04.1966 г.). Автор книги воспоминаний 1976 г., состоящей из 2-х частей: «Память прошлого» (автобиография, опубликована в журнале «Лукич вернулся», 2010–2011, вып. 32–33) и «Очерки старой Тюмени».

начато 13.10.1976 г.
окончено 25.11.1976 г.

Я хорошо помню мое детство, проведенное в доме, где я родился, в г. Тюмени. Этого дома теперь уже нет, нет улицы, широкой в этом месте, и нет домов извозопромышленника Хохлова — на другой стороне улицы, под самой рекой.

Александра Ивановна *Полоумова* была сестрой Федосьи Ивановны *Бобиковой. Бобиков* был бухгалтер у купца *Давыдовского* и был хорошо знаком с моим отцом.

2-этажный деревянный дом под деревянной же крышей, числился по ул. Ильинской, 8 (теперь 25 лет Октября), а угол, где Ильинская образовывалась с Войновской (теперь ул. Кирова) был занят небольшим садиком с несколькими кустами сирени, небольшой беседкой и двумя большими деревьями: серебристый тополь и рябина. Были еще 2–3 грядки для цветов.

В то время никакой канализации не было в городе и свои отбросы промышленные предприятия как с нагорного, так и с отлогого заречного берега спускали прямо в реку Туру. Конечно, это сильно загрязняло воду. На моей памяти в реке Туре ловились еще раки, которые живут в чистой воде.

Десятки маленьких кожевенных заводов, расположенных Заречной, не говоря о больших заводах, как братьев *Колмогоровых* (где теперь овчинно-шубная фабрика) спускали свои отбросы прямо в реку. Кроме того, особенно губительны для всего живого были отбросы так называемых шерстемоек, тоже в большом количестве располагавшихся в Заречной части города.

Пекарский пришел в Сибирь такой же политический ссыльный за польское восстание в 1863 году, как и мой отец, по

Московскому тракту, по Владимирке, в арестантском наряде с бубновым тузом на спине он, скованный на одной цепочке с моим отцом, совершил поэтапный путь в Тюмень.

Пекарский [Даниил Адамович] был вторично женат на молодой, пышущей здоровьем полной женщине Екатерине Донатовне, дочери поляка, служащего на почте.

Станислав окончил Петербургский лесной институт.

Владислав окончил Тюменское реальное училище, вместе с товарищем Струпиным поступил в военное училище и через 2 года они оба возвратились в Тюмень уже офицерами. Мы, мальчишки, бегали на них глядеть (на их обмундирование). Правда, офицерское звание не мешало Владиславу клеить вместе с нами воздушные змейки и запускать их, залезая на крышу сарая вместе с нами, мальчишками.

Когда в 1908 г. я, окончив Тюменское реальное училище поехал сдавать конкурсные экзамены в Петербургский институт инженеров путей сообщения, то встретил на улице Владислава *Пекарского*, который приехал держать экзамен в Военно-инженерную Академию, но так как принимали туда только 3 процента поляков, он не попал — поляков собралось много и некоторые по второму разу.

В 70-х годах его сын стал профессором хирургии томского мединститута

Окончил тюменское реальное училище, поступил в Петербургский лесной институт, окончил его и был лесничим на Украине около Белой церкви. В 70х годах он решил посетить Тюмень, найти могилу отца. Отыскал в адресном столе мой адрес и явился ко мне на квартиру. Конечно, я бы его не узнал через 50 лет, но он предъявил свой паспорт и мы с ним провели несколько дней и вспоминали своё детство. Могилу отца его не нашли, т. к. деревянный большой “польский” крест повидимому сгнил и упал, а место захоронения он не помнит.

Что касается наших родителей, то они общались очень редко. Даниил Адамович *Пекарский* бывал у нас с официальным визитом лишь по большим праздникам — рождество, пасха. Жена его не приходила к нам в гости, так же как и моя мать не бывала у Пекарских. Особенно привлекала нас у Пекарских голубятня домашних голубей, которую завел Витька в саду над баней. Кроме того, сам Пекарский в свободные минуты играл на громадной гармонии; был заядлый охотник и часто брал нас, ребят, с собой на охоту на зайцев как загонщиков. Тогда охота начиналась уже в “колках” березняка, около 2ой железнодорожной будки, даже ближе д. Плехановой, отстоящей от Тюмени всего в 3х километрах.

Мать учила меня так же польскому и французскому языкам. Арифметику учила по задачнику Евтушевского. Брат Витька плохо поддавался учению, но если мать обещала за решение задачи 1 копейку, то задача быстро решалась. Для подготовки к поступлению в реальное училище, в подготовительный класс, мать отдала его к репетитору *Орестову*. Меня же она хорошо подготовила дома.

Мы с Витькой (братом) любили бывать у них в гостях и играть с девочками, рисовать на бумажках. Жизнь города Тюмени в то время протекала тихо, спокойно. Рано люди просыпались и рано ложились спать, в 8–9 часов вечера. Не было ни радио, ни кино. В праздничные дни, а их было много, если к ним прибавить все церковные и царские праздники, по городу раздавался звон многочисленных церквей. Ближайшими к нашему дому были 2 церкви: Ильинская и Успенская. Первая сохранилась, в ней теперь помещается винный завод, а Успенская, находившаяся на ул. Успенской (теперь ул. Хохрякова) разобрана и на ее месте стоит жилой дом. В царские дни (14 мая коронация, 19 декабря — именины царя и т. д.) устраивались молебствия в Знаменской церкви (по ул. Володарской) с привлечением конвойной команды в виде маленького наряда. В день коронации (14 мая) устраивалось народное гулянье в загородном саду (теперь сад судостроителей), где организовывались игры, лазание на столб, бег в мешках, срезание с завязанными глазами подарков, развешанных на веревке, и т. д.

В зимнее время в помещении дома *Текутьева*, так называемого текутьевского театра, проводила гастроли труппа артистов. Я хорошо помню труппу *Ковалёвой*, и её мужа артиста *Мацкого*. Ставились, я помню, такие спектакли как «Князь Серебряный», «Перикл», «Дети Ванюшина», «Горе от ума» и др., а в летнее время Тюмень иногда посещали знаменитые певцы и музыканты, будучи уже на закате своего таланта: скрипач Костя *Думачев*, певцы Касторский, *Лабинский*. Последний — уроженец Тюмени. Учился здесь в Тюменском Александровском реальном училище, затем окончил Петербургскую консерваторию.

Гостей, я не помню, чтоб у нас много бывало. Приходили часто дедушка с бабушкой *Рыбиньские* Иосиф Иванович и Каролина Викентьевна. Дедушка тоже был ссыльный во время польского восстания, 1863 года, из Харьковской тюрьмы по этапу — в Сибирь. Бабушка в том время хотя и была беременна, согласилась идти вместе с ним в ссылку. В пересыльной тюрьме в г. Тюмени родилась моя мать Ядвига Иосифовна *Рыбиньская*. Дедушка с бабушкой жили от нас недалеко. У них был небольшой старый дом на углу улиц Знаменской и Иркутской (теперь ул.

Володарская и Челюскинцев) и небольшой флигель, но, зато большой сад с малиной. Дедушка все время болел, жаловался на какие-то боли в правом подреберье и рано умер, на 55ом году жизни. Я учился тогда уже в 4ом классе Реального училища. Бабушка после смерти дедушки, ликвидировав свой дом и огород, переехала жить к нам. Это было в 1904 году, когда мы жили уже в другом доме по Трусовскому переулку, около земляного моста, на городище.

Бабушку и дедушку я хорошо помню. Особенно бабушку, которая умерла в 1918 году скоропостижно. По заключению отца — от какой-то злокачественной ангины.

Надо сказать, что сосланные поляки в Тюмени в то время держались особняком от русских. И гостились только между собой. Ксёндз — польский священник был постоянный только в губернском городе Тобольске, где был выстроен костёл. В Тюмени он бывал поездками, или по приглашению. Меня, я помню, крестил ксёндз из Тобольска Пшемыцкий, а крёстной матерью была русская Парасковья *Бартошевич*, а крестным отцом Мера-Моржицкий, какой-то поляк, коммерсант, уехавший потом в Америку.

Бартошевич был поляк, адвокат, у которого мать (тогда еще была девицей) служила секретаршей.

Были в Тюмени молитвенные дома. Я помню такой молитвенный дом на углу улиц Знаменской и Войновской (теперь Володарского и Кирова), кажется, Колесовой, 2-этажный, нижний этаж каменный, подвальный. Так вот, верхний этаж Колесова сдавала под молитвенный дом. В одной комнате побольше, был устроен алтарь, а рядом в другой комнате, сообщающейся с первой, поставлена фисгармония, на которой играл поляк, тоже ссыльный за события в 1863 г., столяр *Крочевский* Адам. Часто он приходил сильно нагрузившись спиртными напитками, но с пением и игрой псалмов справлялся хорошо. У алтаря читал Евангелие другой поляк *Хлебовский*, тоже ссыльный в Сибирь за политику.

По воскресеньям родители водили нас в молитвенные дома. Я помню, по настоянию ряда поляков в Тюмени был построен костёл после 1905 г. (примерно в 1907–1908 гг.). Большое участие в строительстве принимал управляющий Холмогоровых поляк *Дитрих* Иосиф Иосифович, инженер-кожевенник. Членом комиссии был и мой отец. Рядом с костёлом был построен 2-этажный деревянный дом для квартир ксёндзу и органисту, а также сторожу при костёле. Был назначен ксендз Будрыс — литовец. До этого временно были (наездами) ксёндзы: *Вериго* (из Литвы), который затем был переведён на постоянную службу в

Екатеринбург, где был построен костёл. Помню очень молодого и красивого, но рано располневшего ксёндза под такой звучной фамилией — князь *Святополк-Мирский*. Он покорял сердца своих прихожанок.

Мне представляется, что «колония» поляков, сосланных за польское восстание 1863 года, жила дружно и с нашими земляками, попавшими тем или иным путём в Тюмень. Например, много поляков носило имя Юзеф — Иосиф. Именины этого святого падает на 19 марта. Как же быть, чтобы у каждого именинника побывать на празднике? Так, помню, отец мой Юзеф, дедушка *Рыбиньский* — Юзеф, *Дитрих* — Юзеф, Юзеф *Лукиянский* — инженер, работающий на лесопильном заводе. И вот распределяют по разным дням каждого именинника, дабы всем отметить торжество вместе. Часто это брал на себя ксёндз, который был «душой общества».

Нам, ребятам, родители выписывали кроме детских журналов, на русском языке таких как «Родник», «Задушевное слово» и «Светлячёк», ещё и «Prziyacel dzieci» (Приятель детей) — журнал на польском языке из Варшавы. […] Кроме того, отец выписывал для нас журналы «Вокруг света» и «Ниву» с приложениями. Из газет была вначале «Сибирская торговая газета», издававшаяся редактором и хозяином типографии Александром *Крыловым*. Его обычно в народе называли Саша Крылов. Затем, когда в Тюмени появился ссыльный журналист *Рогозинский*, появилась под его редакцией газета «Свободное слово». Была ещё маленькая газетка «Гитарист», издаваемая для заочного изучения игры на гитаре гитаристом *Афромеевым*.

Из библиотек я помню читальный зал в *Текутьевском* театре, куда меня отец водил читать такие журналы, как «Осколки», «Сатирикон», а сам он был поклонником газеты «Русское слово» и газеты «Речь».

Библиотека имени Пушкина открыта была в Тюмени в 1898 г. по ул. Спасской (теперь ул. Ленина) в доме *Патрушева* (этого дома уже нет) 2-х этажном каменном. В верхнем этаже была камера судьи, а в нижнем — библиотека. Конечно, одна библиотека на весь город (насчитывающий по переписи уже 26000 человек) было недостаточно. Были ещё библиотеки. Например, в Реальном училище была так называемая «фундаментальная» библиотека для преподавателей. Нам, учащимся, доступ туда был запрещён. Даже в ученическом билете есть пункт, где прямо сказано, что посещение библиотеки ученику запрещается. Для учеников, для каждого класса были

шкафы с книжками детскими.

Что касается каких-нибудь публичных лекций, то таковые были запрещены. Естественно — читались лекции врачами о вреде алкоголя на собраниях «общества трезвости», да и то на лекции должен был присутствовать околоточный надзиратель полиции и следить за содержанием лекции. Полицейское управление вместе с городским казначейством и исправником помещались в белом 2-этажном каменном доме на Знаменской улице (теперь ул. Володарского), где теперь помещается облвоенкомат.

Из исправников я хорошо помню *Белоносова, Каковского, Скатова*. Особенно мне памятны выезды Белоносова на паре лошадей в колясках в сопровождении городового полицейского верхом на лошади. Помощником исправника был долгое время *Вишневский,* многосемейный, живущий в своём доме на берегу по ул. Знаменской (Володарского), теперь этого дома нет («съела» Тура) из-за обвала берега течением реки Туры.

Полицейским приставом нашего района был *Худорбий*. Что касается военных частей, то в Тюмени в девяностых годах было расквартировано 2 батальона 9-го Тобольского стрелкового полка. В царские дни устраивались после молебна около Знаменской церкви парады полка. Офицеры имели офицерский клуб, который помещался в доме Князева, напротив костёла по ул. Спасской (Ленина). Офицеры жили на частных квартирах. Под казармы солдат был приспособлен бывший гостиный двор по ул. Спасской (Ленина).

Кроме того, в Тюмени была конвойная команда для сопровождения ссыльных на Север пароходами (Нарым, Якутск и т. д.). Конвойная команда имела казармы в деревянных домах (их теперь нет), где теперь кинотеатр «Победа» на Пароходской улице. Была ещё местная команда в ведении воинского начальника. Все помещения, где она находилась, снесены и заменены вновь выстроенными домами по ул. Царской (Республики) напротив сиротско-воспитательного учреждения для детей подкидышей и незаконнорождённых. Военными начальниками были полковники Печковский, *Полянский, Куйбышев* (отец Валериана Куйбышева).

Заправляли городом Городская Дума и богатые купцы, фабриканты, духовенство. Для того, чтобы быть гласным городской Думы (по теперешнему депутатом горсовета), надо было иметь имущественный ценз, капитал не менее 10 тыс. рублей, или дома, которые оценивались бы в этой сумме. Поэтому в городской Думе сидели исключительно богатые люди и сплошь

мужчины. Долгое время городским головой был купец *Текутьев*, уроженец деревни Борки, в 30 верстах от Тюмени по Тобольскому тракту. Голова Текутьев, можно сказать, много сделал для Тюмени. Он на свои деньги построил городскую больницу в 1902–1904 гг., городскую бойню, Ремесленное училище (сейчас школа № 6), кладбище, театр. Ему удалось (за крупную взятку) уговорить строителей железной дороги Тюмень-Омск в 1910 году не менять место старого вокзала, и вести дорогу прямо от него. Сам он жил скромно в 2-этажном доме на углу улиц Иркутской (Челюскинцев) и Архангельской (Урицкого). Мне приходилось видеть Текутьева в театре его имени, где он имел постоянное место в 8-м проходном ряду. Это был крепкий мужчина вышесреднего роста, в простой одежде (чёрные брюки, серый пиджак), на лице разросшиеся волосы напоминали бакенбарды. Похоронен он в ограде Спасской церкви, попечителем которой и числился.

Из богатых купцов были братья *Колмаковы* (Кирьяк, Арсений). Кирьяк имел на Пышме и реке Ук свое хозяйство, мельницу, пашни. А дом его, где жила семья (жена и дети) был 2 — этажный деревянный на самом берегу р. Туры по ул. Телеграфной (Красина). Арсений жил в 2-этажном каменном доме на втором этаже на углу улиц Царской (Республики) и Голицинской (Первомайская). Он всегда прекрасно одевался, ездил на рысаках, посещал театр. Особенно любили мы, студенты, приглашать его на наши студенческие вечера, сбор с которых шел для помощи нуждающимся студентам — тюменцам. Он всегда в буфете, где торговали приглашенные наши дамы из Тюменского общества, платил за бутылку шампанского 100 руб. После Революции он был найден зарубленным в парадном крыльце на лестнице со стороны ул. Царской (Республики), а квартира была разграблена.

Самый богатый был их дядюшка Колмаков, который жил отдельно в 2-х этажном доме по ул. Ильинской (25 Октября), где теперь больница водного транспорта. Был он очень скупой и простой в жизни. Говорили, что в Английском Банке на его счету лежит 300 тыс. руб. Он имел небольшую записную книжку и в ней вёл свои бухгалтерские записи. У него были собственные пароходы грузовой, баржи, торговал хлебом и другими сельхозпродуктами. Спал, говорили, у порога двери на кошме. Ездил по железной дороге в 3-м классе. Я сам видел, когда ехал с матерью лечить воспаление моего среднего уха в Талицу к доктору *Автократову*, так как в Тюмени не было ушника. Это было в 1912 году, я уже был студентом.

После смерти *Колмакова* его племянники и племянницы

быстро разделили наследство.

Низ каменного дома, где жил Арсентий сдавался под магазин *Колокольниковым*. Свой магазин у Колмаковых (бакалейный) был в одноэтажном каменном здании рядом с Голицинской ул. (Первомайская). Во дворе, соединяющем одноэтажный дом с большим 2-этажным угловым был выстроен каменный флигелёк — контора, в которой управлял и работал старший бухгалтер *Д.А. Пекарский* много лет, до самой смерти. Затем в этом домике были квартиры редакторов газеты «Тюменская правда» сначала Полупанова, а потом Нежданова, т. к. дом был близко расположен к редакции, размещавшейся по ул. Первомайской.

Братья *Колокольниковы* — Степан, Виктор и Николай. Из них самый либеральный был бездетный Степан, который жил в деревянном доме по ул. Царской (Республики), где потом останавливался Блюхер со своим штабом в 1919 г. Степан был депутатом Государственной Думы и даже подписал Выборгское воззвание о незаконном роспуске Думы. Степан выстроил за Тюменкой каменное 2-этажное здание под школу и подарил его городу для учёбы затюменских детей. Там долго была 4-летняя школа. Отец мой как медицинский фельдшер был приглашён для лечения школьников и часто общался с женой Степана.

По рассказу отца, в 1908-09 гг. *Колокольников*, имея паровую мельницу на станции Чумляк (около Челябинска), при хорошем урожае хлеба заработал на помоле хлеба на мельнице около 800 тысяч рублей, и вот у него появилось желание выстроить также Затюменкой 8-классное коммерческое училище, учитывая, что среди населения Тюмени много купцов, заводчиков. Кроме того его брат Виктор нигде не работал и был приглашён директором этого училища. С 1910 по 1914 год под руководством городского архитектора *Чакина* было построено. Были приглашены учителя: часть из Тобольска, из мужской гимназии братья Ершовы. Им была обещана зарплата в полтора раза больше и они перешли в Тюменское училище, которое было открыто в 1914 году. Во время колчаковщины Колокольниковы бежали на пароходе на восток и всё ценное оборудование Коммерческого училища забрали с собой. Там было около 12 микроскопов. Говорят, они осели в Японии, где он стал владельцем бань.

Другой брат Колокольникова был, наоборот, многодетный. Имел, кажется, около 10 детей. Его дом находился у реки по Иркутской (Челюскинцев). Если идти к реке, то на правой стороне 2-этажный деревянный дом шоколадного цвета с надстройкой 3-го этажа. В этом доме потом, при Советской Власти, были ясли. Этот *Колокольников* имел дачу за городом в Затюменской части. После революции дача была взята в собственность государства и

там теперь дом отдыха им. Оловянникова. Этот Колокольников тоже затем бежал на Восток. А дети мальчишки были затем белые офицеры.

Братья *Колмогоровы* имели большой кожевенный завод Зарекой. Они много заработали поставкой сапог для русской армии в войну 1877-78 гг. с Турцией. Глава фирмы Филимон Степанович *Колмогоров* почти безвыездно жил в большом 2-этажном каменном доме Зарекой, где расположен был и завод. Этот дом сохранился и до нашего времени, в нём теперь администрация овчинно-шубного завода.

У Колмогорова было 3 сына, которым он дал высшее образование. Александр Филимонович [*Колмогоров*] был инженер путей сообщения. Он строил мост Затюменку через реку Тюменку, на каменных быках, а также ветку железной дороги от вокзала до пристани. Последнее время он был начальником Тюменской железной дороги с окладом 20 тыс. рублей в год. Женат он был на писательнице *Лухмановой*, которая потом разошлась с ним, но описала нравы тюменцев 70-х годов прошлого столетия. В журнале «Мир божий» («Русское слово») был помещён её роман «Братья Крутогоровы», в котором она описывает быт и нравы тюменского Заречья.

Другие два брата (один — естественник, другой — юрист) уехали жить за границу. Когда Колмогоров продал завод *Собенникову* и поделил свой капитал, то каждый из сыновей получил по 600 тыс. руб. Доверенным лицом и управляющим его делами был гражданин *Чукмалдин,* уроженец дер. Кулаковой. Он следил, по просьбе Филимона Степановича, за учёбой его сыновей. Чукмалдин ездил на ярмарку в Лейпциг и вообще Заграницу. Там он и скончался. Его тело из Заграницы было привезено в Тюмень, в село Кулаково и там погребено. В дер. Кулаково Чукмалдин построил каменную 2-этажную школу. Он за 10 тыс. руб. купил музей Реального Училища (собственность директора училища *Словцова И.Я.)* и передал его городу. Тюменский краеведческий музей создан на базе этого музея и помещается теперь, где раньше была городская Дума.

В заречной части города близко около реки расположен сад-парк (Колмогоровский сад).

Из других купцов можно назвать *Аверкиева*, имевшего большой гастрономический магазин и дома по ул. Царской (Республики). Над этим домо надстроен при советской власти 2ой этаж и в этом доме помещается Горсовет. На вывеске магазина было написано, что магазин торгует «колониальными товарами».

Действительно, в магазине было много заморских товаров: заграничное вино, шампанское «Кли-Ко», коньяк Мартеля (5 руб. бутылка), шампанское 5–6 руб. бутылка, норвежская королевская селёдка 25 коп. штука, сардины французские 60–65 коп. коробка, токайское вино из Венгрии, шоколад фирмы «Эйнем» (теперь 25-го Октября) с изображением индейца — 15 коп. плитка и дорогой швейцарский шоколад с орехами «Гала-Петер» 45 коп. плитка, миндаль сладкий 1 руб. фунт, конфеты «Кэтти-босс» от кашля, американские орехи 2 руб. фунт, окорок, колбасы московские, рябиновая Смирнова, коньяк Шустова, ликёр «Шартрез».

Рыбным королём считался купец *Михалёв.* Дом его стоял на углу улиц Войновской (Кирова) и Спасской (Ленина). Имел он большой рыбный магазин в 2-этажном каменном доме, где потом при Советской власти был Дом крестьянина (теперь пельменная). Чёрная икра была 45 коп. фунт, нельма, осетрина, стерлядь.

Так как большинство богатых купцов были старой веры, то они построили себе особую церковь по ул. Царской, рядом с магазином Гастроном. Теперь этой церкви нет. Улица Царская была вся с обеих сторон застроена магазинами. Так, от угла Голицинской (Первомайской) по направлению к мосту по правой стороне шли следующие магазины: *Вяткина* — обувь, одежда, хозяйственные товары, *Шитова* — галантерейный магазин, Медведева — аптекарский магазин, Некрасова — кондитерская и булочная (вверху), внизу — мануфактурный магазин *Панкратьева*, магазин готового платья *Брандт*, посудный магазин Деева, аптекарский магазин Соколова, хозяйственный Булатова, гастрономический магазин *Аверкиева,* головные уборы *Моисеева*, колбасный *Миншутина,* обувной магазин Воробейчика, галантерейный магазин *Ефимова,* книжный магазин Невского и Левитана, мануфактурный магазин *Лагина.*

По левой стороне: «Чай и сахар» *Колокольникова*, галантерейный магазин «Бр. *Агафуровы*», аптека *Айзенштадт*, часовой, золотых вещей *Брандт,* бельевой магазин *Перетц,* булочная и кондитерская *Бентхен*, посудный магазин *Брюханова*, «Чай и сахар» Колокольниковых, «Шубы и меха» Ионов и Алин, готовые платья *Клейнмихель,* готовые платья *Оверштейн* (угол Кирова и Республики — 2-этажный каменный дом).

Кроме того, торговля велась на ярмарках. Летом, в конце июля на площади, где сейчас городской сад, строились бараки и шла торговля мануфактурой, посудой. Приезжали и из Узбекистана — Ташкента — торговали урюком, изюмом «Али-Бухара».

Делали тюменцы сухофрукты на зиму. Ярмарки бывали и в ближайших богатых сёлах. Так, в Прокофьев день (июль) бывали

ярмарки в с. Каменка, куда специально ходил пароход, возил желающих посетить ярмарку. Я помню — ездил с родителями.

Нарядные праздники и гуляния устраивались в Тюмени на масляница. Из пригородных деревень и самого города собиралась громадная армия пароконных или тройки лошадей, запряжённых в сани, украшенных коврами, цветами из бумаги. Сбруя с бубенчиками, колокольчиками и под дугой большой колоколец. И вот вся эта громада проезжала в масляницу по городским улицам, чаще всего кругом по ул. Ленина, Республики, с песнями, плясками в санях. Я помню, мальчиком забирался на ступени магазина *Лагина* (ступеней этих теперь нет, на месте магазина венерическая больница) и глазел на это красочное зрелище. Нечто похожее теперь бывает на празднике «Проводы зимы». В царские дни (14 мая коронация Николая II) бывало гулянье в Загородном саду (ныне сад судостроителей). В Рождество устраивалась платная ёлка в Приказчичьем клубе. Входной билет на одного ребёнка (с ёлочным подарком) 1 руб. 50 коп. Конечно, это было доступно состоятельным родителям. На улице ёлок не было, как при советской власти. Дети ходили по домам с раннего утра и славили хором праздник Рождества церковными псалмами. Очень приятно было быть «ряженным» и ходить компанией по домам, часто незнакомым.

На Пасху было принято крашенье яиц, игра в катание яиц. У ребят открывался сезон игры в «бабки» и широко шло христосование, часто с незнакомыми людьми. Устраивались похмельные столы с выпивками, закусками, куличами, вплоть до «банкухенов». И шли пасхальные визиты. Ряд лиц отказывался от визитов и платил несколько рублей «взамен нанесения визитов» в пользу детей сиротовоспитательного дома, о чём писалось в газете. Ёлки устраивались в каждой семье.

Широко отмечался праздник Троицы и Духов день. Молодыми берёзками украшали улицы около домов. Из других народных праздников того времени запомнился праздник, называемый в народе «Ключ». Этот праздник был на 9ю пятницу после Пасхи. Место празднования было за 2мя логами Городища, где будто бы открыт был целебный ключ. В этот день там был устроен целый ряд бараков для торговли съестными товарами и детскими игрушками (пушки из дерева с шомполами, стреляющие горохом, картошкой). Торговали очень бойко так называемыми «пражениками». Это — тушёными брюквой, калегой, урюком, грушами, яблоками. Тут же в одном бараке жарили оладьи, лепёшки по 2 коп. пара.

Я помню, мы с братом Витькой купили на 2 коп. лепёшек и на

3 коп. пол-бутылки «кислых щей» — это сладкий особый напиток, похожий на баварский квас. Торговали и настоящими фруктовыми водами и сельтерской завода *Петухова.* Доверенный этого завода еврей *Матлин* имел свой особый барак.

Конечно, люди находили и более крепкие напитки. Нам с братом приходилось наблюдать драку пьяных: с одной стороны гражданина с тросточкою против ножа жителя так называемых сараев, одетого в широкие штаны-шаровары и сапоги. Палочка была сломана об голову «парижанина» (так называли в народе сарайских молодцов). Но зато он был поранен потом и увезён в больницу. «Сараи» — это холмистое место, где добывалась глина для изготовления кустарным способом кирпича, располагалась на линии железной дороги. Там разбросаны были ряд домиков, в которых ютилась беднота и куда скрывались от гнева полиции жульё. Туда в одиночку даже полицейские боялись пойти в ночное время. Там часто находили при обысках краденные вещи (шубы, пальто и золотые вещи). Один раз, как передавали среди народа, целую тройку лошадей с санями похищенную в городе на одной из улиц, обнаружили в «Сараях».

Теперь на месте «Сараев» выстроены жилые дома, магазины — часть города с ТЭЦ.

Праздник «Ключ» держался только первые годы XX столетия.

Что касается спорта, то ни футбола, ни хоккея, ни баскетбола тогда не было. Велосипеды делали за границей и стоили они дорого очень. Так, велосипед Гритцнера (Австрия) в магазине *Альтшуллера* стоил 350 руб. мужской и ещё дороже женский. Так что обладатели велосипедов были богатые люди.

Охота велась шомпольными ружьями. Ружья центрального боя были очень дороги, только входили в моду. Мальчишки играли в мячик (в лапту, в «беглы») или в городки. «Исполинский столб», крокет — вот игры. Процветал конный спорт на ипподроме. Хорошие рысаки выращивались в дер. Гусева. В начале 900х годов делали игры над ипподромом проезжие авиаторы-петербуржцы, таким был *Уточкин.*

Мой отец Иосиф Васильевич *Карнацевич*, сосланный в Сибирь за польское восстание 1863 года, как указано в списке постатейном, забран он был в шайку мятежников и осуждён Виленским военным судом на 4 года арестантских рот и ссылкой в Сибирь на поселение под надзор полиции. По образованию он медицинский фельдшер, в 80х годах получивший звание старшего медицинского фельдшера при Варшавском университете[…] Появились в Тюмени ссыльные поляки 100 лет тому назад, в том числе и мой отец, проживший здесь долгую жизнь. Умер он на 82-

ом году жизни в 1918 году (родился в сентябре 1837 г.)

29 лет он прослужил фельдшером на кожевенном заводе братьев *Колмогоровых* (документ об этом в музее). Он как фельдшер всё время пополнял свои знания, читая специальные медицинские журналы «Фельдшер», где помещались статьи фельдшеров, […], «Литературный медицинский журнал доктора Окса». Кроме того, имел целый шкаф книг медицинских на русском и польском языках. Я помню, потом ряд книг раздарил врачам по специальностям.[…]

У отца была обширная практика среди беднейшего населения Тюмени. Он имел право частной практики и право вывески на воротах дома «Медицинский фельдшер Ю.В. *Карнацевич*» Сталкиваясь со многими людьми он много видел, знал, наблюдал, слышал и мне хочется по памяти записать некоторые его рассказы.

Оставшись рано без отца и матери и получив домашнее образование (читать, писать, считать) мой отец ещё подростком был отдан матерью на выучку фельдшерскому делу к доктору Стецевичу. Проработав у него 5 лет он получил от доктора Стецевича бумажку, что может самостоятельно исполнять обязанности фельдшера и рекомендовал его ближайшим помещикам, имеющим крепостных крестьян. Отец работал в Витебской губернии на Белоруссии, сначала у помещика Лопацинского, а затем у графа Велигорского, обслуживая крепостное крестьянство в их поместьях. Он рассказывал, что во дворец графа Велигорского он по вызову обязан был являться в белых перчатках, причём не смотря на то, что он уже был молодой человек лет 20-ти, его не считали за человека, при нём дочь Велигорского раздевалась, садилась в ванну, не обращая внимания на него.

В польское восстание 1863 года он пошёл вместе с рядом молодёжи его возраста, с охотничьим ружьём и конечно, быстро попал в плен. Сначала их всех посадили в Динабургскую крепость до суда, а затем он был осуждён Виленским военным судом, где председателем суда был известный граф Муравьёв, прозванный в народе «вешатель». Отец был осуждён на 4 года 3 месяца арестантских рот, а затем ссылка в Сибирь под надзор полиции. […]

Ссылка в Сибирь шла по так называемой «Владимирке». Теперь эта дорога в Москве называется Шоссе Энтузиастов. Отправлены были пешим порядком в арестантских халатах с «бубновым тузом» на спине, скованные по 4 человека.[…]

Когда дошли до станции Усть-Ламенка (недалеко от г. Ишима), их группу расковали, конвой ушёл и сказали арестантам,

что они свободны и могут идти куда хотят. Отца товарищ фельдшер *Якимашко* хотел покончить с собой, но отец удержал его от этого шага и предложил идти в Ишим и поискать там работы. В Ишиме тогда населения было всего 3–5 тысяч человек. Была городская больница, которой ведал врач *Тыранов*. По рассказу отца, этот врач окончил в своё время медико-хирургическую академию в С.-Петербурге и женился на купчихи с приданым 20 тыс. руб.[…] Отцу удалось устроиться фельдшером при Ишимской больнице. *Якимашко,* его приятель, тоже фельдшер, устроился в посёлке Падун Ялуторовского района, где был винокуренный завод поляка *Поклевского*, тоже когда-то ссыльного за восстание ещё в 1830 году. Отец рассказал, что *Тыранов* часто посылал его к больным на дому поставить правильно диагноз болезни, а также проделать все лечебные процедуры. Прежде всего — пустить кровь из вены — удалить «дурные соки», дать слабительное — каломель и рвотное — ипекакуану. Такой шаблон был лечения всякого лихорадочного заболевания. Конечно, рвота, понос, потеря крови резко ослабляли больного и мешали его организму бороться с болезнью. […] «Хуже разбойников были мы, медики» — часто вспоминал отец. Недаром как огня боялось население больниц людей в белых халатах.

В Тюмень отец выехал из Ишима, так как *Поклевский* обещал ему место фельдшера. Но когда он в Тюмень приехал, место уже было занято кем-то другим. В Тюмени он встретил ряд ссыльных врачей поляков, […], которые обещали ему помощь. Кроме того, ему удалось устроиться на постоянную службу на кожевенный завод братьев *Колмогоровых* и он остался в Тюмени. Не смотря на то, что ему минуло 50 лет, он решил наконец жениться. Невестой его стала Ядвига *Рыбиньская*, дочь ссыльного поляка из Харьковской тюрьмы (в связи с 1863 годом) Иосифа Ивановича *Рыбиньского* и его жены Каролины Викентьевны *Гродецкой*. Невеста после окончания женской гимназии в Житомире служила то заведующей библиотекой, то письмоводителем у адвоката *Бартошевича*. Свадьба состоялась в 1890 году. Жениху шёл уже 53 год, а невесте всего 23 года. Вот от такого брака я и родился в 1891 году.[…]

В 1901 году отец купил новый дом с большим садом около Земляного моста, как ехать на Городище. Это 2 старых дома по Трусовскому переулку, 4 у купчихи Тимофеевой за 1800 руб. Он сделал ремонт обоим домам, подвёл под них каменный фундамент, покрыл железной крышей. Выбрав себе для жилья дом угловой, стоящий на юго-запад на открытом месте, он решил

в нём достроить себе комнату с отдельным входом (кабинет). Старый дом по Ильинской улице он продал гражданке [Тапсениной?].

В новом доме была большая ограда, вся мощёная деревянной мостовой и много амбаров: с одной стороны 4 и с другой. Кроме того, флигель одноэтажный на 3 комнаты, баня, сеновалы и хлева с той и другой стороны для лошадей и коров. Если бы все старые постройки продать на дрова, то можно было бы заплатить за дом деньги. Во дворе отец поставил большой столб для устройства «исполинки» — так называли игру вокруг столба на верёвках. В садике около дома он построил беседку, где летом во время жары мы обедали, а я даже спал ночами. В садике нам отец устроил трапецию, лестницу и римские кольца. В зимнее время мы такие кольца имели в своей детской комнате. О физической культуре отец очень заботился. Научил нас плавать. Учил стрелять из ружья (детское ружьё «Монте-Кристо») промышленников Севера. Заряжалось оно со стороны отверстия в стволе. Засыпалось немного пороха, а затем медным шомполом вгонялась на порох одна картечинка, надевался пистон. Ружьё имело нарезной ствол, но очень толстый и тяжёлый, а потому имел подставку в виде треугольника. Отец купил его на толкучем рынке за 3 руб. и отдал нам. Купил на толкучем рынке пистолет окованный медью с подписью «Николай I», и тоже отдал нам. Мы его заряжали таким образом: в отверстие дула насыпали горсть пороха, затем загоняли пыж и на пыж горсть дроби и опять пыж. Стреляли птичек. После выстрела от отдачи курком сдирало кожу с пальца, а от птички оставались только пёрышки. Так же на толкучке был куплен револьвер типа «бульдог», который он тоже отдал нам. Сколько бутылок мы перестреляли в огороде из этого оружия! Уже будучи взрослым, я пистолет «Николай I» передал в Тюменский Краеведческий музей. Да ещё от дедушки в наследство остался 2-ствольный пистолет, который бабушка после его смерти подарила нам, ребятам. Большой компанией мы ходили в лес: я с братом, *Пекарские* Витька и Инка, *Ивановские* Людвиг и Вацлав. Ходили на охоту на зайцев. Но ничего, конечно, убить не могли. Один раз поймали молоденького зайчишку, которого принесли домой и он прожил у нас до весны, всю зиму. Очень любил варенье, котлеты, хлеб. А затем отец с матерью увезли его в лес и выпустили. Так он не хотел никуда бежать от них.

Я очень любил слушать рассказы отца, когда приходили гости. Я помню его рассказы о силаче татарине из Ембаевских юрт по фамилии, кажется, *Карамшаков*. Это был богатый торговец кожей убитых животных. Он посещал все ярмарки, вплоть до

Лейпцигской. Однажды он выехал на паре лошадей на Ирбитскую ярмарку. В Ирбит из Тюмени надо было ехать через Затюменку, а затем деревни Кулаково, Каменка и т. д. Так вот, в Силкином логу, не доезжая до деревни Кулаково, разбойники остановили Карамшакова. Тогда он вылез из саней, подошёл к разбойникам (а их было несколько человек) и нагнулся, как бы доставая из-за голенища пимов бумажник с деньгами, т. к. обычно деньги прятали не в карманах брюк, а за голенище сапог или пимов. Но вместо бумажника он за ноги обхватил одного из напавших и начал им как палкой лупить остальных. Это вызвало панику. Разбойники бежали. Будучи Заграницей, Карамшаков удивлял немцев тем, что он пил коньяк не рюмками, а стаканами, как чай и не пьянел. Все силовые устройства он попортил, так как повыдёргивал их, взявшись за ручки, вместе с корнем, с пружинами. Отец рассказывал, как он под хмельком шёл по Затюменке и решил зайти в один из домиков «на огонёк». Он постучал в дверь, но ему ответили, чтобы он шёл своей дорогой и дверь не открыли. Тогда Карамшаков, подойдя к углу домика, стал его трясти. Испуганные жители открыли ему дверь, узнав, что имеют дело с силачом Карамшаковым. Отец, я помню, говорил, что *Карамшаков* мог отодрать от земли тяжесть весом до 20 пудов (360 кг).

Очень интересны рассказы отца о быте и нравах купечества того времени. Бывая как врач у некоторых из них (*Копылов* Василий Андреевич, *Вяткин*) он мог наблюдать семейный быт и слышать о банкротстве многих купцов.

На пасху в числе визитёров бывали у нас за пасхальным столом Копылов, Вяткин. Они обычно нам, ребятам, дарили каждому по серебряному рублю. Отец же, бывая на праздниках у них, дарил ребятам заранее купленные игрушки.

Отец рассказывал о закономерности, которая сопровождает купца при его банкротстве. Это то, что меняется только вывеска, магазин же или предприятие продолжает работать, но хозяином становится бывший доверенный купца. Так, обанкротился *Князев,* магазин стал под вывеской Дмитриева. Таким я застал магазин в нижнем этаже дома Князевой в 1901–1902 гг. Затем обанкротился *Дмитриев,* его доверенный открыл такой же магазин «Братьев Рыбаловых». Этот доверенный был старшим среди братьев — Иван Егорович *Рыбалов*. Обанкротился магазин *Сильверстова*, его доверенный *Аверкиев* стал хозяином и широко поставил дело: помещение для магазина устроил во вновь выстроенном доме по ул. Царской (Республики), где теперь помещается горсовет. *Вяткина* заменил его доверенный *Шмыров* и т. д.

Какое же наказание несли злостные банкроты? Для них

специально было выстроено деревянное здание, окружённое деревянным высоким забором, в Затюменской части города напротив Затюменского кладбища.[…] В этот дом изолировали банкротов-купцов. Здесь они имели приличную квартиру, питание и т. д., но считалось, что находились в заключении.

Очень драматично прошло банкротство частного банка *Андреева* в г. Тюмени. Этот банк находился в нижнем этаже большого каменного здания на углу улиц Иркутской (Челюскинцев) и Царской (Республики). Так как банк объявил, что он будет выплачивать 6 процентов годовых на всякий вклад граждан, а государственный банк платил только 2 процента, то большинство граждан г. Тюмени решило положить свои деньги в банк Андреева. Оказалось, что в один прекрасный день банк объявил о своей несостоятельности (банкротстве). Полные драматизма происходили сцены у кассы банка. Пивовар *Серватский* завода пива *Давыдовского*, где сейчас помещается завод АТЭ, чуть не задушил своего приятеля главного бухгалтера банка гражданина *Гирмана* за то, что тот не дал ему заблаговременно знать о банкротстве банка. У *Серватского* был вклад 18 тыс. руб. Двухэтажный полукаменный дом *Гирмана* сохранился до сих пор на углу улиц Иркутской и Володарского. Банк Андреева потом выплатил вкладчикам часть денег, платя за 1 руб. — 25 коп. Мой отец тоже держал деньги в банке Андреева и был среди пострадавших граждан Тюмени. Отец много рассказывал об этом пивоваре, т. к. часто бывал в его доме, лечил его жену, детей и самого пивовара. Пивовар был весом 8-10 пудов и продолжал много есть. Когда отец заикнулся о диете, Серватский ответил, что он и так на диете. На завтрак съедает 20 яичек и кусочек мяска — вот и всё. Кроме того, за целый день работы на заводе, проходя по цехам, он незаметно выпивает ведро пива (20 бутылок), пробуя их качество. Первая его жена умерла от скоротечной чахотки, была подконец очень худая. Тогда он съездил на родину к себе в Словакию и привёз жену тоже как он сам, пудов на 8-10. Так что, бывало, в грязь одна лошадь с трудом поднимала их при выезде в город в гору. Оба они ездили на так называемой линейке, в коробок их задние части не входили. И ещё вес кучера.

Сам *Серватский* заразился туберкулёзом от своей первой жены и умер очень худым.

Среди купечества некоторые увлекались азартными карточными играми «железная дорога», «штос», «банк». Помню, отец рассказывал, как уже в 1910-м г. *Собенников* купивший кожевенный завод у *Колмогорова* за две ночи проиграл 110 тыс. руб, что заставило его ликвидировать завод. Его партнёрами

были Семён *Гилёв*, купец Андреев и директор государственного банка *Розенталь*. Гилёв выиграл 30 тыс. руб., Андреев 40 тыс. руб., и Розенталь 40 тыс. руб. Андреев сразу же на эти деньги построил для населения бани торговые, разломанные только в последние годы.

Пьянство и запои тоже отмечались среди некоторых купцов. Отец рассказывал, что жена купца *Рогожникова* (дом его сохранился по ул. Красина 2-х этажный деревянный) говорила, что во время запоя у её мужа появлялось желание ездить по разным святым местам, монастырям и молиться. И вот жена заказала сдалать ему ряд макетов различных монастырей и святых мест. И купец Рогожников во время запоя, не выходя из дома, объезжал эти «святые места».

Город Тюмень настолько утопал в грязи, особенно весной и во время дождей, осенью, что люди буквально тонули в грязи. У отца были для хождения по Тюмени во время грязи особые кожаные калоши высотой 12–15 см. Отец рассказывал, что был случай, когда пьяный, ехавший в телеге, упал на Царской улице в районе, где теперь больница для кожных и венерических больных, что не мог выбраться из вязкой глубокой грязи, его засосало и он погиб.

Когда тюменцы узнали, что через их город поедет наследник престола (впоследствии Николай II) с дружественным визитом в Японию, что в спешном порядке вымостили улицы от вокзала — Голицынскую, Царскую до городской управы и Садовую с Пароходской до пристани с пароходу (Садовая теперь Дзержинского). Тогда только можно было в коляске проехать по мощёным улицам. Камень был срочно привезён с Урала по только что выстроенной дороге Екатеринбург — Тюмень (1882 г.). […]

В городе привлекал внимание гражданин, ходивший в шляпе, и вместо пальто в крылатке — особом плаще по фамилии *Кох*. В народе его звали доктор Кох, т. к. он не имея диплома врача, занимался врачеванием людей. Я помню как при мне полицейский пристав *Худорбий*, увидев в толпе на пристани, встречавшей привезённых с Дальнего Востока японцев, доктора Коха, выговаривал ему: «Только благодари Бога, что у царя родился наследник престола Алексей. По манифесту тебе простили смерть пациента от твоих галушек».

Второй такой фигурой, привлекавшей внимание жителей г. Тюмени, был тоже поляк *Краевский*, по профессии адвокат, сосланный в Сибирь из Польши (Варшава). Он ходил в 30-градусный мороз в цилиндре и лёгком пальто. Он был обременён семьёй, имел, кажется 4х дочерей и одного сына Людвига, учившегося в Реальном училище. Дочери повыходили замуж. Он с

женой уехал потом в Польшу. Были поляки, занимавшие посты и начальников. Так, губернатор Тобольска Деспот-Зенович, прокурор г. Тюмени *Вольф,* исправник г. Тюмени *Каковский.*

Отец был такой заядлый охотник, как мой дед со стороны матери — Иосиф *Рыбиньский*, но имел 2-ствольное шомпольное ружьё, охотничью сумку и специальные с широкими полосками и длинными голенищами сапоги. Он в дни открытия охоты, а раньше это бывало после Петрова дня, забирал меня и брата Витьку и ехал на охоту на Казачьи луга или в деревню Копытову. Собак охотничьих он не держал. Ружьё его било до 100 шагов дробью и было какого-то знаменитого мастера, чуть ли не *Лебеда* — штучное. Его украли, когда мы жили уже в Трусовском переулке, и остались только патроны от него.

Алексей Улыбин
Заметки о Тюмени
(1906–1956)

Улыбин Алексей Степанович (1896-после 1957) — рабкор тюменских газет «Трудовой набат» и «Красное знамя» (1920-е гг.), в 1932 г. редактор ялуторовской районной газеты «Колхозная правда». Организатор «рабкоровского буксира» в 1929 г. В 1957 г. (в год написания мемуаров), находился на пенсии, работал сторожем (?) в детском саду станции Богандинское.

Краткие заметки о истории г. Тюмени. Богатейший материал имеется в Областном музее. Посетители могут узнать, что на месте Царёво-Городище против музея было укреплённое место татар и название его было «Чинги-Тура» и город стал расти с Затюменки и площади против музея и стал строиться в сторону востока после взятия крепости Ермаком. Изложение истории г. Тюмени — честь научных сотрудников музея. В кратких заметах о Тюмени пишу о том, что было полсотни лет тому назад…

1. Базарная площадь

Сейчас, в 1956 году — это центр города. Город вырос в пять раз и, естественно, расширил свои границы. Вот в 1906 году — на площади в километровом квадрате, с выезда с Водопроводной улицы, на площади такая была грязь, что лошади и телеги тонули. Да и на площади ходить трудно было без сапог в ненастную погоду. В городе были замощены камнем улицы: Царская (сейчас Республика) и Вокзальная (Первомайская), да Садовая. В остальных улицах была непролазная грязь.

В осеннюю пору после уборки хлеба и зимой по пятницам и субботам на площади, где сейчас административное здание с колоннами, стояли сотни возов крестьян [не только] из района Тюменского, но и из Исетска, Шатрово, продавали оптом и в розницу муку крупчатную по 80 коп. за пуд (16 кг), пшеничную по 60 коп., аржаную по 40 коп., овёс — 30 коп. Зерно на 10 коп. дешевле. Зерно скупали доверенные купцов *Текутьева, Шадрина, Жернакова,* имевших свои мельницы. За мучным базаром был сенной базар, где воз сена стоил 2 руб. — 1 р. 50 к. Рядом с сенным базаром торговали санями, кашёвками, телегами, коробками, колёсами, оглоблями.

На площади, где сейчас стоит здание Машиностроительного техникума, был плац огороженный невысокой изгородью с продольными брусками, окрашенный в серый цвет масляной краской. Кругом плаца была дорожка, посыпанная песком, с 2-х метровой шириной, обсаженная берёзками. Стояли лавочки. Стояли и физкультурные снаряды: лестницы, шесты, верёвки, турник, кольца, брусья, канава для прыганья и всё это было предназначено для местной команды. Где сейчас горрайвоенкомат, были казармы солдат. Их было 120 чел.

Летом на месте торговли мукой, позднее был выстроен цирк, по размерам он был несколько меньше настоящего и вместо крыши натягивался на высоком столбе брезент. Цирк *Коромыслова* славился как культурный отдых. Разнообразная программа: много цирковых лошадей, наездники, наездницы, клоуны, музыканты, полёты под куполом, дрессированные животные и, главное, парад борцов и русско-французская борьба — привлекали все слои жителей города. Устраивались и лотереи.

Около цирка с северной стороны стояли столы, накрытые клеёнками и белыми скатертями, где мастерицы баварского кипячёного кваса и кислых щей бойко торговали, продавая по 5 коп. бутылку. Торговали также и фруктовой водой и можно

было купить и водки стаканчик из-под полы. Были и съестные припасы — пирожки, котлеты, пряники, конфеты, орехи, семечки. У каждого стола стоял столбик с подвешенным фонарём, освещавшим тёмными ночами место торговли. По субботам и воскресеньям, особенно после получек, пьяных было больше и происходили драки. Как-то рано утром я был очевидцем того, как полицейский с извозчиком ложили поперёк пролётки человека. Дело было за цирком и у убитого вывалились кишки из живота. Их сложили и увезли человека в покойницкую на кладбище.

На углу, где сейчас строится почтамт и телецентр, был конный базар. Коней покупали, коней продавали, меняли; прасолами были (перепродавцами) цыгане, жившие оседло за Тюменкой — из них выделялись *Бушуевы*— и татары. Где стадион — это рыбные ряды — скупщиков солёной и мороженой рыбы: *Михалев, Васенин, Грищаченко* и другие. Где цирк сейчас — были мясные ряды.

В центре площади, в южной части стояла высокая каланча на 12-ти опорах деревянных. Внизу у неё были возовые весы для взвешивания сена, мочала и весы для мешков и мяса. Наверху каланчи ходил дежурный кругом будки и наблюдал в бинокль и, заметив пожар, давал сигнал колоколом, установленным около пожарной, для чего дёргал за верёвку язык колокола. Дежурный кричал в рупор вниз, сообщая, где горит, и вывешивал чёрные шары на мачте вышки, обозначавшие в какой части горит. И мчались лихие кони, запряжённые тройками в ходки с пожарными машинами и парами в ходки с бочками, налитыми водой. Неистово звонили пожарные в колокол на первой машине, требуя освободить дорогу по улице.

Пожары большие и малые были часты в городе и, в особенности, в летнее время. Услышав набат, горожане вылазили на крыши домов и, если был большой пожар, бежали к месту — качали ручные пожарные машины или просто глядели. Прибывала часть местной команды с винтовками, полицейские и оцепляли место пожара, не давая растаскивать спасённое имущество, и заставляли горожан качать воду.

От Водопроводной улицы по диагонали к углу Первомайской и Республики стояли деревянные сараи (лавки), занятые в летний период скобяными товарами братьев *Перовых и Афониных*, торговавших пряниками, конфетами, леденцом в 5-фунтовых банках своего производства в г. Екатеринбурге (Свердловск). Торговля производилась оптом и в розницу.

В северной части городской площади, где сейчас школа № 25, стоял тесовый балаган, крытый брезентом — братьев *Костоусовых*, где давались представления для взрослых и детей.

Цена билета была 5 коп. — 10 коп. Вместимость балагана была чел. 100. Сидели на деревянных скамьях. В представление входили номера: танцы на сцене, игра на народных инструментах, выступление клоуна. Для привлечения публики на просмотр представления около входа в балаган была сделана площадка с барьером, где выходила труппа артистов и давала небольшой концерт. Объявлялась программа. Публику зазывали: «Спешите видеть, сегодня играем, а завтра уезжаем». И народ шёл в балаган со своими трудовыми пятаками и был доволен.

Недалеко от балагана была карусель, разукрашенная подвесками из бисера с деревянными лошадками и каретами. Взрослые и дети катались под звуки гармонистов и барабана с тарелками. Приводилась карусель в движение подростками наверху, которые вращали за перекладины, на которых были подвешены лошадки и кареты, и после звонка, извещавшего конец катания, ребятишки садились на перекладины или наваливались и с удовольствием ещё прокатывались несколько кругов, так как вся система была лёгкая и от центробежной силы давалось ещё несколько кругов без помощи мускульной силы. Рабочие, служащие с семьями окружали карусель, балаган — лузгали семечки, орехи, пили бутылочный квас, покупали сласти у торговок и вечером расходились по домам. И так каждое воскресенье или в большие церковные праздники, когда не работали, проводил отдых рабочий народ.

2. Ярмарка

Открытие ежегодной ярмарки летом ознаменовывалось служением молебна с выносом икон и хоругвей из церкви Спаса — где сейчас областная библиотека. Кто помнит картину «Пролог» в кино, может себе представить, что из себя представляют хоругви и иконы. Молебен купечество служило против нынешней типографии. После службы с провозглашением здравствия диаконом с громогласным басом царствующему дому Романовых — его императорскому высочеству Николаю и православному купечеству — хор пел «Многая лета, мно-о-гая лета!». Священник окроплял святой водой трёхцветный флаг с продольными полосами — белый-синий-красный — флаг свёртывался и поднимался на 10-метровую мачту. Поднимающий дёргал за бечёвку и флаг распускался.

Священник окроплял водой граждан и давал целовать крест серебряный с позолотой с изображением Христа, распятого на кресте. Граждане подходили по рангу — исправник, именитые купцы — крестились и целовали крест, а некоторые купцы и купчихи и руку священника. Служилые люди уносили иконы в церковь. Расходясь, граждане торговые люди вели разговор, что флаг дружно развернулся и не поник, значит, будет хорошая торговля. Такая была примета у торговых людей. Открывались магазины, лабазы, ларьки и начиналась торговля часов с 11-ти дня — ярмарка давала 1,5 милл. оборот.

Вся крупная торговля оптовая была сосредоточена не на площади в магазинах и лабазах, она значения почти не имела на оборот, а была сосредоточена за городом, за Загородным садом, за ж.д. веткой на р. Туру где сейчас городок судостроителей. Здесь в ограде в полкилометра стояли тесовые амбары. В ограде были сложены большие гурты кож, накрытые брезентом, вмещавшие десятки тысяч кож. Кожи были завезены на баржах со степей Казахстана и Тюменской губернии. Здесь они разделывались, сортировались, прессовались в тюки на ручных прессах и отправлялись в Н. Новгород (Горький) и за границу. Купля-продажа совершалась через нотариуса *Албычева.*

Организованная в 1911 году Тюменская биржа маклером *Безродным*, успеха не имела, не привилась, несмотря на то, что еженедельно выпускался бюллетень с ценами на зерно и сорта кож, которым купцы с охотой пользовались, так как в нём указывались цены, какие стояли в разных городах, согласно телеграфного обмена между биржами. На бирже было сделано

несколько сделок и она немного просуществовала. Маклер *Безродный* ушёл работать табельщиком на ж. дорогу, а после смерти жены и сам умер.

На бирже я проработал мальчиком рассыльным полгода за 60 руб. Исполнял все работы рассыльного и писаря в конторе и пособлял на кухне кухарке и ходил на базар за продуктами и ухитрялся брать в кредит по заборной книжке мясо, муку, масло. Сообщал цены по указанию маклера.

3. На пристани

В Тюмени пароходовладельцами были: Братья *Колмаковы, Жернаков, Братья Курбатовы,* Богословское горнозаводское акционерное общество, Братья Плотниковы, товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли с главной конторой в Ленинграде и небольшие пароходы с баржами *Текутьева, Обрубова* и других. По обслуживанию рек туры, Тобола, Иртыша и Оби до Обской губы и для производства дноуглубительных работ в верховьях рек было пароходство Министерства речных путей сообщения с главной конторой в г. Томске. На зимовку осенью собиралось до 30 и 40 пароходов и до 50-ти деревянных барж и 2 землечерпальные машины. Оплата труда в Министерстве речных путей сообщения была на 5 руб. выше против других пароходств для рядового состава и руб. на 15 для среднего и высшего — командиры. Все работали помесячно и зарплату получали каждого 20 числа.

Форма рабочая и парадная выдавалась бесплатно. На некоторых пароходах казны отдавалась честь по-военному. Рабочий день был 12 часов. Люди работали десятками лет. Имели за рекой свои домики и коров и кур — жили неплохо. Половина судового состава с постановкой судов на зимовку везде сокращалась, а весной снова принималась на работу. Много было из деревень, расположенных по реке, где они заготовляли дрова и подвозили к пристани — пароходы отоплялись исключительно дровами.

Ремонт машин пароходов производился в зимовках у каждого пароходского хозяина. Строились деревянные баржи зимой и летом, их снимала большая вода с городков. Пароходы весной красились, машины собирались и, беря груз, уходили на низ. Большое количество рабочих на пристани не всегда имели работу. Или пароходов не было и барж, или работали определённые артели. Чтобы получить работу во время затишья, надо было получить металлическую бирку с номером от приказчика и вот в 1910 г. я был очевидцем [того], как ранним утром часа в 4 на пристани бр. Плотниковых на поляне и у забора находилось чел. 200 рабочих и получали бирки из прорезанного отверстия в заборе, наподобие как у кассы цирка. Некоторые рабочие в широких шароварах и таких же широких блузах из холста лезли напробой за бирками. Не обходилось и без кратковременных драк.

Пятнадцатилетним парнем мне пришлось работать на

пристани № 1 «Товарищества». Попал на работу по знакомству матери и отца с пакгаузным — были кумовья. Я ставил марку, то есть номер на грузы. Грузчики работали по 12–14 часов, носили мешки с дёрном, мукой, сахаром. Ходили цепочкой человек по 100 в дождь и непогоду и, если кто-либо выходил из запалки по выносу определённого количества мест, то лишался заработка. Работали с тысячи пудов, сдельно. Иногда выручали таких грузчиков грузчики, не получившие работы, а заработанные деньги делили. Никаких кранов, транспортёров не было. Неудобные грузы или с дальним расстоянием мешки возили на 2-х колёсных тачках — в парке их стояло до сотни и больше. Рабочий один шёл в кореннике, а с боку с верёвкой другой. На крутых подъёмах ещё стоял грузчик, помогал и так же на спусках. В тачках работало много и женщин и девушек.

Подённая оплата на ряде работ была подённая. Мужчине 80 коп. и женщине 60 коп. Расчёт производился каждую субботу. Работали до 2 час. дня и с 7 час. утра с получасовым перерывом на завтрак за столом, поставленным у пакгауза. Заведующий ложил на стол мешочек с рублями серебряными и мешочек с полтинниками. Медяки высыпал в коробку. К столу подходили согласно порядкового номера, записанного в расчётной ведомости, где стояла и фамилия и сумма заработка. Роспись не делали, а при выдаче денег пакгаузный делал отметки карандашом синим и это потому, что большинство были неграмотные.

В воскресные дни редко работали. С получки в субботу грузчики заходили в кабак и в пивные, пили. Большинство уносили получку домой в семьи. Часть грузчиков пропивали деньги, ночевали у заборов или за драку полицейские увозили и уводили в арестное помещение и, если буянили дорогой, то в каталажке избивались и, конечно, никаких оставшихся денег не выносили — они отбирались. В воскресенье, в понедельник многим надо было опохмелиться, выпить водки. Денег не было, закладывали вещи — пинжаки, брюки, сапоги в частные ломбарды под проценты — такой один был на Ишимской напротив мельницы *Жернаковых*. Выдавалась взамен сменка — рубаха, штаны, опорки от сапог. Грузчик опохмелялся, болел и среди недели шёл на работу. Тяжело было зимой одиночкам без одежды и работы. Такие ютились в ночлежном доме, жили впроголодь и существовали до весны на приношения купечества и сердобольных граждан.

4. Стройки

Все каменные стройки в городе велись исключительно ручным способом. Копка канав для закладки фундаментов, подвозка кирпича с кирпичного завода на лошадях, а также песку и извести. Никаких кранов, бетономешалок не было и в помине. Мы сейчас видим, как только начинается стройка, устанавливается башенный кран, ставится бетономешалка, транспортёр, приводимые в действие электроэнергией. Грунт раньше отвозили из котлованов на тачках с одним колёсиком, а дальше его везли на двухколёсных грабарках — ящиках-самосвалах. Известь приготовлялась в творилах вручную, носили её на носилках. Кирпич также [переносился] на носилках и козлах, надеваемых на плечи, по 30–40 шт. Кирпич был тяжёлого типа. Шлак не применяли.

Первое потолочное железобетонное перекрытие потолков и полов было сделано в ремесленной школе на углу Садовой и Томской и в пристрое Спасской церкви в 1914 году осенью. Работу производили частные подрядчики — брались с тысячи и по договору аккордно. Затем сдавали работу рабочим артелям или платили подённо. Артели также самостоятельно производили работы, что им было выгодно, но чернорабочую силу нанимали подённо. Если человек заболел, то ему никакой оплаты не было.

Строили в городе исключительно двухэтажные дома и исключение — это постройка Коммерческого училища, где за Тюменкой — обком и облисполком. Построен он купцом *Колокольниковым*, а подрядчиком стройки был *Перемотин.* Зимой стройки каменные не производились, а только рубили деревянные дома. Кирпич производили кустари в сараях летом, да на кирпичных заводах *Буркова и Гилёва*, заводы эти и сейчас действуют как национализированные. Так уже было заведено: перед закладкой застройщики служили молебен, бросали серебряные рубли в известковый раствор по углам. Каменщики клали кирпич, но потом деньги эти находили и пропивали…

5. Снабжение водой города

Население города было тысяч 40–50 с Зарекой. Подача воды производилась с реки Туры водокачкой Городской Управы, стоявшей у берега по Водопроводной улице. На горе стояло каменное здание с прямоугольным баком, служило оно и некоторым водонапором и было водоразбором. Было выведено 2 трубы для наливки воды в чаны и для разлива в вёдра и кадочки. Горожане, имевшие лошадей, сами брали воду. Зажиточные и купцы, имея дворников, их посылали за водой. Были и специальный промысел — водовозы. Они на своих лошадях возили воду, продавая воду по 10 коп. за бочку и в розницу по копейке ведро. Была водоразборная будка на перекрёстке улиц Царской и Иркутской — это против облфинотдела. Водоразбор был у почты на Александровской площади — там, против Реального училища стояла чугунная чаша, автоматически наполнялась водой (поплавок при наполнении чаши перекрывал воду). Водовозы черпали воду черпаками. Ещё была колонка у монастыря и у вокзального моста. Заречные жители пользовались водой с реки и из колодцев.

6. Транспорт

В городе до 1919 г. была только одна автомашина легковая — у купца *Колокольникова*. В городе перевозили грузы ломовые извозчики. Обозы имели: *Лошкомоев, Горбунов, Бередкин, Текутьев* и другие. Для перевозки граждан были частные легковые извозчики. Они стояли на биржах напротив вокзала, у почты, на Малой Разъездной, угол Спасской и Водопроводной, за Тюменкой. Содержатели ломовщины имели наёмных рабочих, содержали их на своих хлебах. Ставили сено, сеяли овёс. Гоняли ямщину по району.

7. Союз охоты

В городе существовал «Союз правильной охоты». Членами Союза выдерживались сроки охоты и организовывались коллективные выезды на охоту в осенне-зимнее время. В правление взносились годовые членские взносы. Членами Союза состояли купцы, чиновники, доверенные, военные, судьи и зажиточные граждане — фабриканты-заводчики. Излюбленная охота была осенью поздней на зайцев, их водилось множество в районе.

Охотники выезжали в назначенную по расписанию деревню или с вечера и являлись рано утром. Приехавшие с вечера охотники пили водку, пиво, играли в карты, заказывали пельмени хозяевам и гуляли. Утром староста охотников нанимал в деревне загонщиков — взрослым платил 80 коп., а подросткам по 50 коп. Выдавал им хлопушки и трещотки, посылал в определённом направлении за километр-два от места, где ставил охотников на номера в ста шагах друг от друга. Обложенные зайцы, поднятые шумом загонщиками, неслись на охотников.

Счастливые охотники из дробовых двуствольных ружей отстреливали за день по 15–20 зайцев. Во время обеденного перерыва разводились костры, охотники располагались группами — жарили сосиски над костром, пили, закусывали. А охотник *Бенхен* — городской колбасник — выезжал с походной кухней и с поваром.

Интересной охотой осенью была охота на уток на Андреевском озере на 20-м разъезде и на Дуванах — со стороны деревни Субботиной. Там были устроены балаганы, имелись лодки Союза и сторожа-рыбаки. В вечернюю и утреннюю охоту набивали по мешку уток и расходовали по сотне и две патронов.

Излюбленным времяпровождением охотников зимой была стрельба по тарелочкам и по голубям. У ипподрома был построен павильон у лога, где охотники и проводили соревнования и всегда сводили стрельбу в азартную денежную игру. А некоторые охотники занимались игрой в карты и пили пиво, которое всегда имелось в буфете. Подранки-голуби десятками ютились около павильона, так как лететь не могли, шли в пищу собакам и сторожу павильона. Голубей к воскресному дню привозили из города и держали на вышке помещения и кормили. Их ловили на вышках школ — магазинах, где они жили сотнями.

8. Кулачные бои в Тюмени

Излюбленным времяпровождением граждан в воскресные дни [было] смотреть и участвовать в кулачных боях — стенка на стенку. Бои происходили часов с 10 утра, происходили они в разных частях города. Дрались в переулке по Иркутской — Городище с городом. Дрались у завода *Машарова* (Механик) — сарайские с городскими. Дрались и на реке у водокачки по Водопроводной — заречные с пристанскими. Бои начинали подростки, затем входили взрослые и бородачи. Дрались напористо, жестоко. Лопались перчатки и рукавички от ударов, били по груди и голове, кто не в силах был держаться, ставал на колено и отдыхал или выходил. Но беда была тому, кто в рукавичке имел свинцовую перчатку и его обнаруживали — окружали и избивали до полусмерти. Результаты были всегда плачевные: сломанные рёбра, побитые зубы, синяки на лице и на теле уносили любители боёв.

Мой покойный дед Павел — неграмотный печник, крупного телосложения, участник боёв, рассказывал, как священник Спасской церкви с псаломщиком на Пасхе на второй день шёл от прихожан выпивший и вступил в бой в переулке. В результате потерял нагрудный крест с цепью в глубокой грязи и галоши. Наутро крест и галоши были молодцами найдены и доставлены священнику, после чего вся компания вместе с ним выпила четверть ведра водки и дружно разошлась.

Иногда бои принимали ожесточённый характер — полиция вызывала пожарных и они разливали водой любителей кулачных боёв. В школах тоже любили драться стенка на стенку. В начальной школе Текутьева (шк. № 2) городские дрались с сарайскими и в получасовую перемену в ограде принимал бой с взрослыми учениками и учитель *Н.Д. Абышев*, но сторож звонком прекращал схватку. На уроке учитель не мог вести диктант и обыкновенно читал историю — про Куликовскую битву и Бородино и все успокаивались и были довольны, а домой шли с синяками под глазом.

9. Добровольное пожарное общество

В Тюмени от скученных построек, от несоблюдения противопожарных правил, плохого водоснабжения были частые пожары. Редко проходила неделя благополучно, обязательно где-нибудь был пожар. Пожарная основная часть была около Городской Управы (музей), да и та на Пасхе сгорела вместе с лошадьми и пожарником, закурившим на сеновале в пьяном состоянии. Пожарную отстроили и усилили летнюю на площади, где стояли в запряжке по 2 часа дежурные лошади в сухую ветреную погоду.

Было организовано добровольное пожарное общество. На средства Городской Управы и от членских взносов содержался штат на летней пожарной. Часть зимой несколько свёртывалась: часть лошадей раздавалась членам пожарного общества на зиму, а весной обратно приводились. Лошади использовались на домашние работы и для выездов, лошади были хорошие, резвые и умные.

Бойцы на пожарной работали годами, часть их несли службу на каланче и имели одну большую пожарную машину с ручной качкой. Машина имела вид большого самовара для подогрева клапанов. Мчатся, бывало, ночью пожарные, запряжённые четвёркой лошади резво несут сани с машиной, а из неё развевает пламя как от зашурованного самовара. Воду доставляли водовозы, они были этому обязаны и горожане. Члены Д.П.О. были командирами на пожаре.

В зимнее время обществом открывался каток, где сейчас сад Карла Маркса. Играла музыка. Каток обслуживался пожарными. Точились и выдавались коньки, была вешалка для одежды, небольшой буфет. На Новый год устраивалась огромная ёлка, освещённая электролампами, была и лотерея. Устраивались и соревнования конькобежцев — лучший был бухгалтер Государственного банка *Бобиков*. Каток работал с 4 час. дня до 11 час. ночи. Освещён [каток] был в последние годы электричеством, а до этого керосиновыми ламповыми фонарями. В день закрытия ёлки игрушки выдавались посетителям, а перед закрытием ёлку срубали и отдавали всем, кто что сможет взять.

10. Маслянка

За 40 дней до Пасхи, а она бывает в разные числа — март-апрель по ст[арому] стилю — у православных наступает великий пост. Он начинается с понедельника после масляной недели. На этой неделе, начиная с четверга, дни ознаменуются у всего населения города и деревни печением блинов и обжорством с субботы по воскресенье и пьянством, и проходила [эта неделя] шумно и весело. Большое количество лошадей у горожан, имевших свои усадьбы и дома, позволяли участвовать в катаниях по улицам.

В домах пекли гречневые крупчатные блины, ели со скоблённым молоком, мороженным с сыром, икрой, маслом. Стряпали изюмные пироги, торты, плюшки, стряпали пельмени, варили пиво и пили — пиво своё, заводское, водку, вино. Ходили друг к другу в гости, засиживались допоздна. Традицией было катанье на лошадях по ул. Царской от музея до Первомайской, а, когда наплыв был большой, то полицейские околоточные направляли поток вкруговую по Ленинской [улице].

В кашёвки большие и малые, запряжённые лошади были украшены искусственными цветами, бубенцами, у дуг были по 2 колокольчика. Кошёвки были покрыты добротными коврами и русской работы и персидскими. Если масляная неделя была поздняя и была уже оттепель, то снег от массовой по нему езды становился серый от примеси земли. Народ ходил по тротуарам сплошным потоком или стоял, любуясь запряжками. Приезжали и крестьяне из деревни на своих разукрашенных санях и катались.

Кончалось воскресенье масляной [недели]. Вечером ели пельмени, рыбные пироги и всё уничтожали, а утром, в понедельник, называемый чистым, мещане и дворяне, особенно набожные, ходили по своим близким знакомым, кланялись в ноги и просили прощения. Хозяева в свою очередь им кланялись и говорили друг другу: «Бог простит». Во время этих 40 дней скоромные мясо, молоко, яйца, скоромное масло есть было нельзя — грех. Ели картофельный суп, жареную на постном конопляном масле капусту и огурцы солёные, редьку с квасом, лук, груздёвые пироги.

В великий пост ходили в свою приходскую церковь к священнику говеть. Простаивали дня три краткую обедню и вечерю в церкви. В субботу шли на крылос к священнику, он, сидя в кресле, накрывал прихожанина или прихожанку, вставшего на колени, своим фартуком и задавал вопросы: «Грешил ли отцу,

матери?». Надо было отвечать: «Грешен, батюшка» и другие вопросы — до десятка, смотря, кто исповедовался. А затем читал молитву и говорил: «Бог простит» и давал целовать евангелие и крест. Исповедывающийся клал полтинник или рубль в тарелку и уходил.

В воскресенье во время богослужения в церкви священник выходил с золочёной чашей. Пели певчие на хорах: «Тело Христово, примите источник, вкусите». Говельщики подходили по именитости и священник совал в рот чайную позолоченную ложку с горячим вином и крошкой профоры (хлеба крошка). Причастник целовал край чаши и отходил, запивая причастие вином с горячей водой, брал профору, закусывал и таинство говения было совершено — грехи сняты за год.

Все прихожане в церкви по книгам были на учёте, где делалась отметка о посещении. Книга была актов рождения, крещения и смерти. Метрические выписи выдавалась в церкви и при советской власти изъяты в ведение советов. Масляная неделя ещё много лет существовала при советской власти, но с закрытием церквей пошла в область прошлого. И ещё есть старые люди — соблюдают обряды и посты и говеют, но это капля в море и уходит в область старого прошлого бытия горожан.

11. Гости

Русский народ — хлебосольный народ. Любит поработать и любит погулять во всю ширь. Дни православных праздников: Пасха, Рождество, Крещение, Николин день, Троица, Успеньев день, Казанской иконы день, Егория и дни рождения и именин, похорон — справлялись средними слоями торгового и служилого населения обстоятельно. Как говорят, в грязь лицом не ударить. Служилые люди, доверенные, приказчики, чиновники обязательно ходили к именитым гражданам с визитом — кого они знали в лицо.

Приходили, пожимали руку, поздравляли. Хозяин наливал стопку вина или водки, записывал посетителя, [который] редко — садился, благодарил и уходил. Если хозяев не было дома, оставлял свою визитную карточку, отпечатанную в типографии на хорошей карточной бумаге, где стояла фамилия, имя, отчество и снизу должность. Этим делалась честь хозяину. К вечеру визитёры, а большинство из них ездили или на своей лошади с кучером или на извозчике, являлись домой еле тёпленькими от хмельного.

Хлебосольные хозяева готовились к праздникам по достатку. Имели свои небольшие дома, занимались торговлей на базаре. Семью имели небольшую, имели корову, а кто и лошадь, жили скромно, но в праздники разворачивались. Было загощено, надо было и самим угощать. Готовились, в доме наведя чистоту. Варили и жарили мясо, рыбу, холодец. Делали копчёную и фаршированную рыбу. К Пасхе коптили окорок, стряпали пироги сладкие, рыбные, мясные. Покупали пиво, водку, вино, консервы, икру, кильку, конфеты и фрукты-яблоки.

Готовили стол, где всё выставлялось на вид с батареей бутылок по ранжиру. Ставились стаканы, стопки, рюмки, ложились ножи, вилки. Колбаса была разносортная, хлеб, перец, горчица, уксус были также не забыты — всё на столе. Гости прибывали обыкновенно парами, с ходу грелись у стола, кто чем желает. Сбор обыкновенно был к часу дня. Поздравления, скромные подарки были обычаем. Часа в 2 дня садились за стол в комнате чел. 15–20. Хозяйка сама обслуживала стол, да ещё кто-нибудь из близких гостей, родни помогал.

Начинали с ухи или щей с лапшой из свинины. Предварительно всем наливали вина или водки — кто чего желает — чокались и обедали. На второе бокалы снова наполнялись и водкой и пивом, и во время обеда несколько раз.

Третье было или компот или желе. Со стола убирали. Гости выходили покурить, подавался чай или кофе, на стол ставились пирожное доморощенное, конфеты, торты, яблоки. Все чаевали. После чая всё убиралось и столы. Под граммофон или гармонь пели и плясали. Снова подходили к столу, где выпивали по просьбе хозяина, кто чего желает.

Повеселившись, втаскивали столы и начинали играть в карты — 66 и в лото по маленькой ставке. Вели разговоры. Часов в 7 вечера устраивался ужин и чай. На ужин обыкновенно подавали мясные пельмени без ограничения и они поедались сотнями, а часов в 8–9 вечера гости расходились по домам, а некоторые уезжали на лошадях и увозили попутных. На следующий праздник или на второй день хозяева сами отправлялись по гостям — а праздников было много в году и поэтому время проводили весело, но не все, а зажиточные мещане.

12. Охрана города

Магазины, склады, кварталы улиц охранялись сторожами-стариками из бывших солдат. Они были вооружены в большинстве только дубинками, свистками и трещотками. Или стукали, медленно проходя по тротуарам, в пол били, имели колотушки с берёзовым шариком на сыромятном ремне: шарик болтался и ударял в колотушку пустую с двух сторон и издавал звук. Во время пожара ночью сторож пускал в дело трещотку, во время грабежа — свисток. Караульных содержали домовладельцы кварталов.

В городе была охрана и из полицейских — они находились в людных местах. На перекрёстках улиц стояли будки, окрашенные в серый цвет с чёрными полосами как у верстовых столбов. Вооружение их было: Сашка и левирвер Смит-и-Вессон мелкого калибра. Ночами они сидели в тулупах в будке — особенно зимой — и утром уходили. Конные полицейские объезжали посты города. В полиции выше по должности были околодочные в лучшей светлой форме и пристава, а над ними главой был исправник. Эти лица относились к офицерскому составу охраны.

13. Улицы уходят в реку

Начало улиц Ильинской (25-го октября), Серебряковской (Советской), Знаменской, Хохряковской из года в год уходят в реку Туру. Против Гостиного двора, где были магазины — это около музея — когда-то был рыбный базар, а сейчас осталась маленькая полоска берега. Нет многих домов и по нынешней Советской ул. у берега, нет их и по ул. 25-го октября, а ещё несколько лет тому назад улица была проезжая. Сейчас большой обвал по Иркутской за комбинатом «Вкусобъединение» и только кое-как можно пройти пешеходу. Отработанные воды размывают берег. Руководители горисполкома — люди из года в год новые, приходят и уходят и никакого внимания у них нет к сохранению берега нагорной части.

Обвалы получаются по причине большого притока сточных вод во время снеготаяния и дождей, а также ключей. Эта часть города ниже несколько. Канав для отвода вод по берегу нет, крепление берега не производится и город ползёт из года в год в реку. Против музея когда-то стоял собор, внизу его, а также и у монастыря берег укреплён затопленным камнем и обвалов нет, несмотря [на то] что боевое место для воды. Пройдёт десятка два лет и, если креплением берега не займутся, то обвалы берега продвинутся к б/реальному училищу — ныне сельскохозяйственный техникум, да и конец Республики, вернее, начало у музея, сползёт в р. Туру. Чтобы спасти город от обвалов берега необходимо устройство канализации и насаждений. Даже отвод предполагаемый через пятилеток реки Туры от Парфёново прямо к Мысу и ликвидация излучины реки Туры не спасёт от обвалов, т. к. они в своём большинстве происходят от грунтовых и поверхностных вод города.

14. Где какие были строения

На месте, где обком и облисполком в 1956 г., выстроено было 2-х этажное каменное простого стиля здание. Здесь когда-то гужевым транспортом привозимый чай из Китая — в цибиках из камыша — развешивали, паковали малыми порциями и отправляли в торговую частную продажу. Фирма называлась «*Губкин-Кузнецов*». В 1910 году развесочной не было и вверху был открыт 1 класс (параллельный) городского училища 4-х классного. Учились в нём в большинстве ученики-второгодники и более слабые, человек 30. Класс закрыли, здание сломали и на его месте чайный купец *Колокольников* построил здание, стоящее в настоящее время. В нём было открыто Коммерческое училище для детей купцов, чиновников, заводчиков с внесением платы за обучение. В годы гражданской войны в здании был лазарет. После ремонта через несколько лет разместился обком и облисполком.

На углу Республики и Семакова, где сейчас здание Реконструктор, а внизу магазин, стоял небольшой покосившийся двухэтажный дом. Нижний этаж врос в землю на половину небольших окон. Здесь вверху была кондитерская, а внизу пекарня. Рядом по улице стоял кинотеатр «Вольдемар», где показывались немые картины под музыку пианино и слепого скрипача *Родионова*.

Значительное здание выстроено по Республике рядом с Универмагом— это квартиры для сотрудников НКВД. На углу Республики и Водопроводной был одноэтажный каменный амбар *Ядрышникова*, торговавшего скобяным товаром. Напротив стояли, где сад, амбары скобянников *Андреевых,* а рядом была шорно-кожевенная торговля *Кузьмичёвых*, а дальше ряд бакалейных лавочек вдоль Республики левой стороной, если смотреть в сторону ж.д. ветки.

В год 1928-й на месте Андреевского посёлка было место вспахано и посажена капуста и овощи другие кооперацией. Уборку производили населением всего города в воскресники. Целина была поднята и взят был богатый урожай, особенно капусты, которая потом продавалась через сеть кооперации, шла в бытовые учреждения города.

Где сейчас старый первый корпус завода Строймашин, были избушки, назывались они Угрюмовскими сараями. Здесь когда-то кустари делали летом кирпич. Затем кирпич стали делать в Копыловских сараях, это в районе холодильника. Там и сейчас много ям от вынутой глины, но разбиты улицы и построены

небольшие дома. За переездом ветки на Туру по левую и правую стороны были на одно горно частные кузницы, где ковали лошадей и ремонтировали ходки и телеги — лет полсотни тому назад за старым кладбищем, где областная больница, последней улицей была улица к АТЭ, да Односторонка — по Н.-Томской— место было пустое до Загородного сада, но с течением лет быстро застроилось. Город стал расти в годы советской власти кругом. За Тюменкой от Военного городка к Дому отдыха (когда-то была дача купцов *Колокольниковых*) стояли столетние коренастые берёзы и начинался Туринский тракт. Была густая берёзовая роща. Роща за годы войны 1941 года вырублена на дрова и до самого Дома отдыха идут постройки жилых домов и организаций. На месте ДОКа «Красный Октябрь» было Затюменское небольшое кладбище в берёзовой роще — оно уничтожено. На восток от завода Строймашин была поляна — чистое место. Стоял крест на холме холерного кладбища, а сейчас остался холм и кругом построены жилые дома. В городе, где кино «Темп», был богатый магазин *Агафуровых* (галантерея, бакалея), где книжный и рыбный (рядом) магазин посуды — *Брюхановых*. Где типография — мануфактурный магазин *Ижболдиных*. Где амбулатория на углу Первомайской — внизу торговля чаем, сахаром была *Колокольниковых*, а вверху жил купец — старообрядец по вере, молившийся двумя перстами, *Колмаков*, торговавший зерном, салом, имевший мельницу в Заводоуковске.

На месте пимокатной фабрики «Челюскинец» была скотная бойня городская — по Хохряковской ул. на месте убранной (при помощи взрыва) церкви. Построены на углу 2 двухэтажных деревянных дома, а кирпич с церкви использован на 3-м этаже горсовета. Убран и небольшой собор против музея — в нём был антирелигиозный музей.

В Ильинской церкви по ул. 25-го октября — водочно-разливной завод. По Ленинской в церкви: внизу склад сельэлектро, а вверху — проектно-чертёжное учреждение. В Никольской церкви за Тюменкой радиоклуб. Церкви за ненадобностью использованы для культурных целей. В Заречной части города — церковь Егория [отдана под] клуб. Оставлены для православных горожан Успенский собор и круглая церковь на старом городском кладбище — и хватит. На месте конвойных казарм построен — силами рабочих-речников — клуб.

notes

Примечания

1

См., например: Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: От рукописи к книге. Москва, 1991.

2

Кроме ТОКМ, большие фонды подобных воспоминаний хранятся в ГУТО ГАСПИТО и ГУТО ГАТО.

3

Smith S., Watson J. Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narratives. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2001.

4

Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания. Ч. 2. Москва: Типо-лит. А. В. Васильева и К., 1902; Он же. Мои воспоминания: Избранные произведения. Тюмень: Софт-Дизайн, 1997; Кочнев П. Ф. Жизнь на Большой реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск: Сова, 2006.

5

Мемуары Телешова цит. по: Телешов Н.Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. Москва: Московский рабочий, 1958.

Митинский А. П. Счастливые годы детства // Александр Митинский. На память с любовью: Альбом. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2006.